

ДООС – ПОЭЗИЯ

ЕЛЕНА КАЦЮБА

Доос

БИБЛИОТЕКА
ДОС-
ПОЭЗИЯ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2-411.2)64-5
К 30

ДООС-ПОЭЗИЯ

ДООС – аббревиатура Константина Кедрова-Челищева 1983 г. – Добровольное общество охраны стрекоз Девиз: «Ты всё пела? Это – дело!»

ДООС приветствует теорию и практику метаметафоры (термин Константина Кедрова-Челищева, предложенный им в 1978 г.)

Библиотека ДООС – ПО основана Издательством ДООС Маргариты Аль в 2014 г.

Редакционный совет: доктор философских наук Константин Кедров, Маргарита Аль, Елена Кацюба.

ISBN 978-5-9905981-1-9 © Е.Кацюба,
текст, 2014.
© И.Бессарабова, фото,
2011.
@ Издательство ДООС
Маргариты Аль, 2014

ЕЛЕНА
КАЦЮБА

ГЛЯДЯЩИЕ НА ПЛАМЯ
СТИХИ И ПОЭМЫ

Москва
Издательство ДООС
2014

От автора

В большинстве европейских языков слово «поэзия» от слова «проза» отличает буква Р — тормоз, трос, якорь, крюк, мешающий взлететь. Летать опаснее, чем ходить по земле. Поэзии не нужно верить — ей нужно довериться. Поэзия ничего не обещает и не дает — она просто изменяет ваш взгляд. До поэта живописи Клода Моне люди смотрели на кувшинки со стороны. Увидев кувшинки Моне, зритель становится частью пейзажа и смотрит не на картину, а из картины вместе с художником. До Данте ад был просто пугающим словом. После «Божественной комедии» он обрел статус реальности, поскольку стал фактом поэзии. И совершенно не имеет значения то, что Данте поместил в круги ада своих недругов. Этот элемент прозы стал поэзией, потому что люди перестали быть субъектами политики и стали поэтическими фигурами.

Когда Фауст заключал договор об остановленном мгновении, он еще не знал, что пространство дискретно — оно состоит из частиц, которые дальше не делятся. Мефистофель же об этом прекрасно знал, поскольку присутствовал в мире от сотво-

рения. В мире бесконечного деления Ахилл не мог догнать черепаху, но квантовая механика представила мир состоящим из неделимых мгновений, и в XX веке Ахилл черепаху догнал. Фауст — ученый, а не поэт, поэтому он с легкостью заключил договор. Ведь для ученого результат — только повод для дальнейшего исследования. Сегодняшнее открытие завтра устареет. В мире чувств все иначе. Прекрасное мгновение, запечатленное поэтом, переживает-ся снова и снова новыми людьми.

Творец был поэтом — он создал мир из мгновения, которое назвал Словом. Значит, все слова образовались из этого первоначального слова. Поэтому я не тащу слово за собой — я сама следую за ним. Это и палиндромы, и анаграммы, и анагрифы (когда текст составлен из букв какого-либо слова), и стихийные мутации (когда одно слово превращается в другое путем замены одной буквы, затем другой и т.д.). Вот это я и называю «лингвистическим реализмом». Здесь очень важен рисунок текста, так как он передает интонацию, являясь как бы записью голоса автора. И еще я люблю алфавит — азбуку и стихи в книгах обычно располагаю в алфавитном порядке, не в строгом, конечно, но от буквы к букве. Еще и потому, что у моих текстов нет времени. Я

не привязываю их к датам. Но у поэм годы все-таки отмечаю. Просто интересно вспомнить, где, когда и почему они возникли.

Согласно представлениям современной психологии, слова в мозгу существуют в разобранном состоянии. Каждый раз, произнося слово, человек собирает его заново — творит. И если чувства переполняют его, то он буквально «не находит слов». Так, может, и не надо их искать? Лучше сказать так, как есть — передать чистое ощущение, пока оно не потеряло первозданность

Вообще-то, не только мы пишем стихи, но и стихи пишут нас. Все дело в том, кто на что ориентируется. Одним людям уютно и спокойно в сотворенном мире, как в мебелированной комнате. Вселились и живут, ничего не меняя, не переставляя. Другие предпочитают создать свой мир, сотворить и жить в нем от начала времен.

Конечно, поэты — люди, и живут они в реальном мире. Но вот в итальянском языке «реальный» — *reale* — означает еще и «королевский». Поэзия — это высшая, королевская реальность.

Первое слово было написано звездами. Войти в программу жизни мог только тот, кто занес ее код в небесный компьютер. Так сейчас мы вводим пароль,

и он проявляется звездочками, чтобы никто другой не мог его прочесть. Если, конечно, кто-то ни стоит за спиной, подглядывая, какие знаки набираются на клавиатуре. Но даже если это произошло, ничего страшного. Клавиатура поэзии бесконечна, а программа такова, что открывается новым, только что придуманным паролем.

ПОЭЗИЯ

Аксиома

без Я вселенная не Явна

без НАС вселенная не ЯСНА

* * *

Аргонавт Орфей
фейервеером лиру развернул
пальцами струны переплыл,
приструнил Сирену
море умиротворил, богов уладил
Горизонтом запада возлежали богини
Закат руно золотил

Органавт Бах
в тигле Лейпцига лады плавил
возгонял звуки
в каменной реторте Томаскирхе
Готики закат золотил парик Баха —
руно барокко

Боги плескались в звуках лиры
боги бурлили в трубах органа
каждая труба выдувала бога
Фьордами фуги Орфея-Баха
в ореоле ауры плыл орган — Арго

От Орфея-Баха формула Фейербаха:
«Человек человеку — Бог».

Азбука

Розы сами не растут
Их создает садовник — конструктор розы
Он Р заберет у грома
О отдаст рот
З закажут замок и загадка
А выдыхает май

РОЗА —
в ней
Ра солнца
Ор восторга
З согласия
Аз вязи азбуки

Аз — это А
А — каталог интонаций
А? А! А...
А — это всё
Я — это я
Идет алфавит от всего до меня
Алая и Белая розы — это А и Б любви
далее — Война Глаз, Дар Евы,

Желание, Забвение, Искренности Йод,
Кошка Ласки, Мед Неведения,
Опиум Поцелуя, Разорение Сада,
Тьма Упрека, Фарфор Хрупкости,
Церемония Чайная, Шепот и Щека
Ы – знак умножения: розЫ – буквЫ
Значит переход на ты
не сделает тебя одиноким
в розарии азбуки
где Эхо Ютится
и в конце всегда Я.

Апокрифическая история

Тогда сотворил Бог зеркало
и отразился в нем —
так Адама создан был
и Бог его любил
как самого себя
Дал Бог Адаму зеркало
отразился Адам в зеркале —
так Ева явилась
и любил ее Адам как самого себя
Посмотрелись Адам и Ева друг в друга
как в зеркало
и появились у них дети
и Ева любила их больше самой себя
оттого дети любили только себя
и убил Каин Авеля
В гневе разбил Бог зеркало
и развеял по свету

Оттого мы видим мир
не как создал Бог
но как отражает зеркальный прах.

Aurum

У бетонных домов золотые окна
У подъемных мостов золотые цепи
Мед хранится в бензольных кольцах
они звенят —
день — день — день —
ночь.

В колодцах зрачков золотые точки
В колоннах авто золотые фары
Высокой октавой высокооктановый
поет бензин.

Под платьем у женщины золотая кожа
Под кожей у мужчины бронзовый тигр
В клетке грудной легкие — птицы
Химия дыхания — кислород — углерод

В кошачьих зрачках селеновые луны
Сердце в подворотне громче шагов
Золото для сердца — тяжелый металлллллл.

аЗияние

Безумный кузнец созвездий
загородил зверей из бездны
забором гвоздезвездным

Зов муэдзина
алмазным лезвием
разрезал занавес заката

Ознобом звездным
разбежались
заоблачные знаки Зодиака

Закрыты Близнецов глаза:
Азиза и Азиз
измученные розами
забылись

Зуб золотой в зенит вонзился —
Возничий запоздалый,
не задень!

Раздвинуты запретные затворы
звездочасам приказано звенеть:

— Одзин...
одзиннадцать...
звенадцать...

Шахерезада казни избежав
из вазы Азии загадочные вензели сказаний
извлекает

Забыты праздники и состязанья
заброшены законы и приказы
в забвении разбойники в зинданах
визирь измаялся бездельем
и заговор задуманный завис
Змеиные зрачки зеленых глаз
гипнозом звездным связали разум

И сызнова заря зарю узнав
сказала:
— Звеликий зарь, звенец земли,
дозволенное завершаю.
Засни, забот не зная.

Замолкла и зашла за горизонт

Алхимик

Свинец непроницаем для радиации
но силы вошли в СВИНЕЦ
как бесы вошли в СВИНЕЙ
С ВИНОЙ ветхой
С ВИНОМ новым
С ВИДОМ неведомым
С АИДОМ античным
с криком — ДАЙ ДОМ —
РАЙ ДАМ

Рай — всем нам дом, Он лозой пророс
Золото лоз — это свет
Нет земного золота в свете
но от золы лоз этих
все золото на земле
Две тропы ведут из рая
это плоть и путь
Первая: РАЙ-РОЙ-ПОЙ-ПОЛ-ЗОЛ
Вторая: РАЙ-ДАЙ-ДАО-ДНО-ОНО-ОКО
Так скажи раю «прощай» и превращай
ЗОЛ ОКО в ЗОЛОТО

Августейшее

Время августа
загустЕЛО
плоДАМи

еще листокрыЛАТЫ
ветви древоскелЕТА
бронзой сентяБРЯЦАЮТ вдали

Антология меда

А есть ли пол у пчел?
Пчела всего лишь соединяет
растительных Ромео и Джульетту.
Так был архангел Гавриил
носителем пыльцы небесной.
Пчела — учитель липы золотой,
наставница невинности медовой.
Она жужжит свою благую весть.
Ребенок липы в шестигранных яслях
размножен,
он в восковых пеленках созревает,
и все дары волхвов крылатых
с ним от рождения:
и золото, и аромат, и сладость.
В нем утонул безжалостный Египет,
свой желтый глаз сомкнув в остекленевшем
песке,
уснувший в сотах
своих себя хранилищ — пирамид,
где сфинкс — пчела,
и все его загадки — всего лишь мед столетий,
не для ума, для губ и языка.

Бабочки иного мир
(палиндром)

Они видели лед и вино
Лак резьбы, зыбь зеркал
Их оды Веге — выдохи
Узор вдоха — заход в розу
Но в зареве севера — звон:
цин-цин. Но взмахам звон — ниц, ниц.
И нет их ада свече в садах и тени
Их усики сухи
иного бала бог они —
ада, сносимого богом, и сон сада.

Блюз

Скручена туго в волну вода,
глаза скажут «нет», а губы «да».
Кто же спорит с волной?
В слове ЛЮБЛЮ
две гласных Ю
и ни одной другой.

Губы смешают вино с водой,
сердце и музыку,
кровь и покой,
ворону — песню,
хрип — соловью,
«ныне же будешь со мною в раю»,
скрипнет заветный ключик — ю-ю
в двери,
где — ает, — чает, — ачает, качает
блюз.

Нетерпеливый, сдержанный хлыст —
гонит синие волны блюз —
гребень — ЛЮБ,
пропасть — ЛЮ,

3-3-3 — это волны поймали пчелу
БЛЮЗ-3-3...

В море созвездий лунный круиз.
Парус наполни легчайший блюз — бриз.
Мели надзвездные выверит лот.
«Нет» не растопит в стакане лед,
но неразбавленным «да!» обожжет
даже вода.
Словно гусеница, звезда
переползла небосвод

«Нет!» — оглушающе крикнет волна.
«Да...» — отзовется у самого дна
себе самой.
Ты не заметишь,
как променяешь,
ты променяешь! —
всю веру мира
на эту игру с волной.
В слове ЛЮБЛЮ
две гласных Ю
и ни одной другой.

Библиотека

Библиотека — река
книга в руках —
лоцман среди отмелей
Плывут по стеллажам и полкам
детского лепета лодки
движутся баржи жизни
несутся скутеры страсти
лавируют корабли любви
Впиши меня в свою книгу —
я побегу волной — строкой
за твоей рукой

Буря Велимира

Разверз Хлеб-
ников
хляби словес
выше семи неб-
yes!

Вагон

Туман Ильич Иосиф Страх
графин дробящийся в лучах
на шторе лунная прореха —
мечом взмахнувший янычар
рыча и черен
и жест торжеств
и жест ничто
но казнь отложена на завтрак

ЭЛы — ЭСы их колес
скользят по Элам — ЭСам рельс

Одеяла жаркий плен
лунно взрезало колено
значит очередь плеча
выходить на вахту ночи
янычарная рука потянула одеяло
дрожью луч прошел по ребрам —
вылетели бумеранги
янычару прямо в лоб

Рельсовое ЭР застряло
в дальнем О из кОлесО
по спине вагоны цепко
пробежали
поезд встал
скрипнула задвижка шеи
на платформу вышли мысли
разбежались — не собрать

Теплый серый и сухой
мозг «о Господи» сказал бы
но язык засоня спрятан
за забором из зубов

В окна окна окна окна
лезет поле поле поле
поезд мчится мчится дальше
рельсы лентами вплетая
в косы алые зари

ВЕТКА

(10 вариаций на тему архитектуры
старой Одессы)

Пролог

Город-тайна,
Город — маска воронцовского палаццо
город — темный мастер
Дома улыбаются лицами —
бородатые старцы
раздетые девицы
Лик крылатый —
это ртутный Меркурий
мир мерит на свой аршин
Треугольник и трилистник
пересеклись
на мавританском плетении филармонии
город тайной гармонии
весь ходами перекопан
каменный некрополь
Стоит на Ришелье на лестнице Потемкинской
встречает корабли

1.

Веером мир развернулся из ветки акации:
синий цвет, зеленый цвет
тот свет, этот свет
Мерцающим деревом мир стоял
кружевной и душистый
а люди были птицы

2.

Тень дерева опрокинулась вниз
тени птиц улетали вниз
птичье динь-день
отзывалось в тень
Тень густела
 тень стала
 мгла

3.

— Я — птица странница
я гнезда не вью
я не летаю, не пою
я потеряла перо из крыла
оно упало туда, где мгла
оно стало тем
чего не было никогда
оно стало телом
А что я теперь?

4.

А внизу, где мир пестрый
Меркурий играет в кости
Он кидает на море звездные кости
корабли рассыпают огни
карнавальные дни
Что за гости к нам в гости?

5.

Кто под нами, кто под нами
под железными столбами?
Из воды, степи и неба
я построю город хлебный
на земле и под землей
будет дивный город мой
город тайный, золотой
на земле и под землей
город-явь и город-сон
Проболтался — выйди вон!

6.

Это Меркурий отравил кровь
это стучится железный крот

7.

Дворец сам в себя опрокинут
он плещет фонтаном винным
там нет ни ночи, ни дня
Кто это возле меня?
— Нет, мы уже не люди
мы плоть свою забудем
бессмысленное тело
в пространство улетело
Пристало телу платье
Душа — обнажена
Приди в мои объятия
крылатая душа
Все в лучшее лишь в душах
запретов не нарушим
вернемся к истокам
где в золотом и светящемся
кружевном и кружащемся
зеленом и белом
мы были единым летающим телом.

8.

В винном фонтане
вода отрезвляюще пряна
Лунную пряжу ундина прядет
Сильф, пролетая
губами коснется
лба
Саламандра взовьется
в свече, что в руке у тебя
Твое тело истлело, по нем панихида
подземные гномы уже ожидают
их темные лица во тьме не видны

9.

На перекрестке стихий
распростертый трилистник
Тайной улыбкой твой лик оживил
головую крылатой Меркурий
Ты за невидимой дверью
творишь свои мессы Одесса

10.
Мир
распадаясь
становится веткой акации
Звездной акации ветка
мерцает на небе
Медведицы ковш
зачерпни
из надмирного моря —
темного света плесни!

1980

Валюта мечты

(вариация на тему рифмы «кровь – любовь»)

Эстетика сближения будоражит кровь
любовь —

лунный удар в солнечное сплетЕНИЕ
раСТЕНИЙ
ТЕЛ

ТОЛ любви
взрывает АТОЛЛ покоя
не оставляя даже БИКИНИ
на теле и в океане
Нестерпимо пристрастна линза глаз любви
а голос ее —
единый лад оперы для двоих —
не больше
но не дольше
чем от А-а-а! до О-о-о!
А дальше
ни-че-го кроме полёта —
вечной валюты мечты

Видение

Море морщило мыслями лоб Волошина

...было ли

было ли

ливни смыли следы

иссушило солнце крышу

мертвые осы падают

осыпается дом

серебром века

трещат опоры

рушатся стропила

перекосились пейзажи в рамках

оконных

лестницы улетели

или вихри-ангелы унесли

...было ли

было ли

лизнула волна берег

и ушла дальше дальше

шелковица ягоды уронила

чернильными кляксами на бумаге

боги мои боги...

Кубик Рубика крутит в руках Волошин —
может, сложится все же еще раз
время мое время
море мое

Встрепенулись травы
дрогнула гора
рванулся ветер с вершины
и развеял видение

...было ли
 было ли
 было
 ли...

Вариация на восточную тему

По ступеням

стук - стук

по дорожке

шлеп — шлеп

деревянные сандалии

восточного бога

На его ноге-скамеечке

сидит маленькая девочка

тростниковые ладошки

хлоп — хлоп

Полулунные глазницы

раздвоенный зрачок

обезьянка на цепочке

скок — скок

Веером вибрируя

щурится игриво

Красный шелк — о чем-то тайном

Черный шелк — волос касанье

Белый шелк пошел на кожу

а на коже нет застежек

Табакерка музыкальная

на розовом меху

там жемчужные фонарики

Влюбленные рыбы

Мы влюбленные рыбы
Мало воздуха?
Мы — дышим друг другом
Нет воды?
Мы — ныряем друг в друга
В океан —
ниже линии смысла
В небеса —
выше звездного разуменья
Крадем имена у металлов
Глаз именуем сердцем

Мы — гонцы
королевской охоты на звезды
Заяц в красном кафтане
стрелой арбалета разделил Близнецов
Один балансирует в небе
на колесе эклиптики
Другому достались
земля и зависть

Мы влюбленные рыбы
Не хватает света?

Мы — сияем друг в друге
Мало красок?
Мы — ныряем в закат
где акула луны
грозит горизонту
плавником полумесяца

Мы влюбленные рыбы
Мы алые двери
Мы губы молчащего слова
в аквариуме небес

Весть

В системе любых информаций
дерево — всегда весть
Старые вестники ходят в подземных ботинках
а молодые босыми корнями
ласкают друг друга укромно
смеются надземно
множество лиственных ртов
Старые строго хранят секреты
в пористых кофрах коры
а молодые лепечут
военно-интимные тайны любому
В стволах у них токает сок
продолжаясь журчаньем в ручье
и в артериях кровью
Дотроньтесь до горла — там капельный Морзе
строчит телеграммы *urbi et orbi*
Только пустыня лишенная леса молчит
Ей вестник верблюдов — бродячее дерево
что внутри бережет
всю воду, все вести Востока

Вождь

Пасмурный ангел стал во мне гром
а я стану снаружи дождь
мы вместе окрестим пыльный клен
дадим ему имя Грей вождь
Жидкими иглами будем шить
плач-плащ от заката и до корней
а когда надоест водяные веревки плести
я выведу ангела из себя вне
Внутри отпечатками крыльев
пузырится пурпурная ткань — сеть
потому что в подкожном плену
солнца с кровью сплетение есть
Горлом исходит свет —
в голосе брезжит медь.
Короной артерий-вен
я увенчаю кленовый стан
под корой ворохнется сердечный гром
вздогнет друидский клан
разбужен древесной трубой
А клен назовется вождь Грин
и двинет на город войной.

Встреча

Чужого кольца сеРЕБРО
взглядом РЕТРО
блеснуло в МЕТРО
не дальше МЕТРА от тебя —
дуновение ВЕТРА времени,
веяние ВЕЕРА воспоминаний
ВЧЕРА.

Веер Венеры

ВЕНЕРА — кто ей равен?
В нее вся ВЕРА.
НЕВА — речная ВЕНА
ей жизнь на севере дала,
удочерила,
и НРАВ и НЕРВ переняла.
Венера — ВЕЕР тайн,
Ей на АРЕНЕ РЕВ
сражений за НЕЕ
и вид ужасных РАН
не страшен.
Но черный ВРАН
на белое плечо уселся.

Витрина

Смотрят в стекло похожих двое,
сердце скупое
поделив на одного
Твой(ая) по(друг)а
шеи шарнир повернув направо и вверх
таращится через стекло
Сердце мужское выстукал врач
под напором груди,
женской психики парашют
от земли
от-
рывает шаги
Ты перекрашен(а),
стрижен(а),
снятая бровь
вылезет щеткой усов,
но ты выбреешь щеки до блеска штиблет
Вот твоя(ой) партнер(ша)
пол свой обдумывает сурово
ибо среднего рода
как ни верти

и папье и маше
Вижу я, как ревнует,
выпятив зоб
и в подбородок запрятав кастет,
к полу,
который не надо
запихивать в ворох тряпья
Спальня твоя —
парикмахерской куб застекленный
где срезы голов стерильны
ножницы в ножницах пальцев низко летают
и бритвы лепечут во сне.

Внутри

Стен внутри уходить нельзя —
высоко узко меж кирпичами там,
лампочку ввинтить чтобы
встать на стул надо
что же —
с собой стул брать?

Прозрачнее дерева стен
но освещенье нужно и там
лучше лампу за провод тяни
потому что трубы они внутри

Книг внутри бродить —
кайф
всюду улиц фонарь там
таблицы окон счета людей
вынимают свет домов изнутри
прямоугольники дверей тьмы

Внутри воды — воздух сам
там он — дважды род вод

«О» — кислород — ксилофон там
когда по камням плеск

Не берите с собой фонарь в лед
лед раздавит в нем стекла вам
лед разрывает внутрь воды
как единицу — два
как меня — ты
как тебя — я

Всевидающее око

ОКО

глядит сквозь прорОКОВ
оно над порОКОМ
рОКОтом — рОКОМ
над поКОлениями в ОКОпах

Ему поКОрны
и сОКОл высОКО
и крОКОдил глубОКО

За небесной ОКОлицей
звездная ОКОлесица —
сенОКОс лучей

ОКОло ОКОН
лунный кОКОН

Ведьма
(палиндром)

Ведьме себе на небе семь дев.
Ведьме садов вода — семь дев.
Ведьме сера — заре семь дев.
К сере вереск.
Ведьме сети, щит — ищите семь дев!
Ведьме свары — дыра в семь дев.
К сирени в вине риск.
Яд, ого, пушу погода,
ядов сети, и те сводя.
Року — ведьме — семь дев укор,
а к реву зим изуверка.
Ведьме судеб беду — семь дев.
Ведьме суд, а в аду семь дев,
но звезд ад зев зон.
А лак рези и зеркала.
Ал зрачок — око чар зла.

Вересковый ветер

Вересковый ветер в оправе глазниц
в голову вмонтирован лунный диск
у балкона нет края
улетая — улетай
У меня был двойник — двойница
Нас путали те
кто нас не знали
Она в хрустальном мире безумья
Может быть
меня больше любили?
Она стерильная или
святая

Вересковый ветер —
горький сухой язык
Льва-августа сквозь бойницы
Меня охраняли четыре Львицы

Кроме льва есть еще три зверя
Второй
 пишет книгу сухим пером
Третий
 рисует на стенах двери

Четвертый —
в три часа ночи
любит решать теоремы
смертельных тайн
Вот это совсем не мои проблемы —
улетай!

Вереск несет в себе К Р Е С
ветер дает ему Т
Вересковый ветер —
это воздушный КРЕСТ
Можешь — неси его
Хочешь — лети на нем
сам себе стая
Но улетаю —
улетай!

Веретено

Мария двоилась в Елену
и выпряла ВЕРУ веретеном внутри.
Иди, окруженный тремя,
отмечай Рождество Пасхой,
оглашай приговор не раньше, чем
одолеешь дыханием
пугливый симпозиум язычков свечей
на камне,
из-под которого ты, лежащий,
выкрутился веретеном вероятности
в игорной спальне,
где проигравший блаженный
измеряет простор постели
диагональю тела
или собой образует график
подъема и падения
активности двигательной во сне,
когда снаружи приближается иконописец,
продвигая веретеном кисти
условных овец.

Вдоль горизонта

Параллельность рельс
доказывается давлением колес
сверху вниз
и земли — вверх снизу,
образуя крест веса
на скрещении колеса и рельса.
Земля и сердце,
пересекаясь в небе,
образуют крест полета.
Земля и небо,
пересекаясь в сердце,
создают крест человека.
Сердце и небо,
пересекаясь в земле,
воздвигают крест вне
темноты,
означая начало жизни из пустоты.
Горизонт — порожденье глаза,
дитя хрусталика,
он висит на краях ресниц,
пересеченный полетом птиц.

* * *

Воля твоя — убегать из леса
право леса — тебя догнать
Вот и рябина грозит кулачками —
хочет тебя поймать
В лесу береза всех несуразней
она порочна хотя бела
лесное озеро непрозрачное
ей заменяет зеркала
Лесная темень в углу за шкафом
Сыграем в шалаш под дубовым столом
Глядит икона как срез древесный —
под слоем краски горит лицом
Скрипит рука — продолжение двери
живые жилы? коры узоры
Отчего это дерево так проворно
что опережает камень и вяжет воду
Когда из ели делают елку
она смиряет свое дрожанье
Оттого она так покорна
что умеет долго держать дыханье
Она исходит смолистым духом
она предвестник сирень-черемух
А ветку яблони ставить в вазу не надо

Птиц смеющихся по утрам
птиц засыпающих по вечерам —
кто кроме леса знает их нрав
кто их приводит под окна к нам
Каждое дерево пахнет собой
А кто не успел посидеть на траве
того все равно догонит лес
шуршащей падающей листвой

Разве легко на слух отличить
шум листьев от шума дождя
особенно если за окном
дом — тротуар — дом
 дом — тротуар — дом
 дом — тротуар — дом

Время деревьев

Волокнистый удел реки
волнообразен в звуке
от леса до леса
лизжет себя языком загара лето
профиль коровы уткнулся в воду —
озеро перевернулось.

Круг рыбы очерчивая на плаву
пльиви летай летняя тайна
на клейкие петли застегнутая
решето лесной тени
просеивающей солнце

Когда навстречу выйдет свет,
он не будет слишком резок,
чем гуще, тем туманней.
Свет полетит навстречу,
шелестя соломой лучей,
он обогнет тебя и полетит дальше,
оставив позади провал темноты.
Темнота — это тьма тебя.

Вот еще один луч пойман в ловушку —
ты уличил меня в том,
что человек состоит из света.
Если тебя отнимают у солнца,
значит времени нет.

Свет летит параллельно любви,
у него тяжесть дождя,
ключи ожидания, вкус крови.
Свет щебечет,
рисуясь птицей
в развилке веток.
Давление света на лист
можно вывести формулой,
но свет посмеется над ней.

Ветки дерева намечены светом —
это
пути огня,
когда молнии ветка
сомкнется с землей
и, покинуто светом,
дерево станет чужим для воды.
Когда настанет время деревьев,

время станет корой деревьев,
время Девы и время Весов.
Когда кругом говорят деревья,
ничего не слышно, кроме их слов.

А если осень —
всего лишь вопрос?
Ведь завтра уже придет стекольщик —
менять голубые на серые стекла.
Вот настанет сентябрь
и усыновит свет.

Вертолёт
(анагриф)

ветер ревет
реет орел
веет веер
вертолёт

Глядящие на пламя*

Пламя живет в глазах смотрящих на пламя

**Я не сразу поняла, что это моностих. Помню, что пыталась эту строчку както приспособить. Продолжить ее или наоборот – завершить ею стих. Не получалось. Строка либо торчала, как пружина из дырявого дивана, либо вообще терялась. Так и оставила ее пылать в книге «Играй». А потом, читая Египетскую Книгу Мертвых, вдруг наткнулась на такую же замкнутую систему: «Живущий в пламени своем не делится огнем своим». Анертанефбесф-Хентихехф – один из духов, стражей тела Озириса*

Геометрия полета

В каждой вещи круг или квадрат.
Угол квадрату брат,
а круг квадрату чужой,
он и сам себе чужой,
потому что звучит угловато,
а сам безугольный.
Квадрат — пожиратель углов и кругов,
он отец кубов
постаментов статуй,
вытаптывающих парки и станции,
пересеченные нетопырями
в остроугольном ультразвуковом полете.
А птицы крыльями знают круг,
в нем голубиный гурк,
Стая птиц, умноженная на расстояние
от Нила до Волги —
от ила до воли,
образует угол утиный
и одну сторону угла —
живую линию лебединую.

Господин Терпение

- Вы – сумасшедший..?
- Да.
- Вы сумасшедший!

Терпение, господин, терпение.

Ветер останавливает трамваи
собака идет на красный свет
грохочет каблуками голое землетрясение

– Господин, ваша шляпа улетела

Терпение. Терпение
Зрение переворачивает предметы

Пожарная машина проехала половину пути
сгорела половина дома
машина проехала половину второй половины
четверть дома сгорела
еще половину четверти проехала машина
Господин Терпение вышел из середины пожара
вынес тлеющий стул

Машина преодолела последнюю —
неделимую часть пути
стул догорел на глазах у пожарных
вспыхнул сверхновой звездой
над соседней крышей

— Господин, ваша шляпа
упала в черную дыру!

Какое же нужно терпение
в горящем космосе...

Господин Терпение идет
сквозь закрытые двери
Двери всегда закрыты

Терпение!

Ну уж нет!
В моем доме — моя погода!
Мы сами себе времена года
мы сами — травы, деревья,
цветы, птицы

Нарисуй синюю лисицу
красного бегемота
лиловую чайку
над морем зеленого песка...

...но только не зови сюда
облака

Гороскоп

Мы — треугольник,
дети одной звезды,
у которой все бы хотели быть детьми,
но календарь строг.
Вот Водолей,
струясь волосами
с верхней вершины вниз,
где Телец безупречных линий
и Весы, для которых
равновесие не совместимо с покоем.
Наш треугольник достаточно прочен,
чтобы не знать о себе,
он ограничен
в весе так,
чтобы летать,
опасаясь иглы Скорпиона,
капля яда которого стоит всего Зодиака.

География осени

Падающий Китай ничему не подобен
Он щебечет: «Янцзы, Янцзы»
Он описывает своих красавиц только:
«Глаза ее ясные и широкие,
будто воды реки Хуанхэ осенью»
Осенью Китай облетает
желтыми листьями по всему свету
и где приземлится маленький Китай
сразу вынимает палочки для еды
и щебечет: «Янцзы, Янцзы»

Двери

Тебе открылись еще не все двери

Гул чугуна вес гула
красное остывая темнеет
что кровь что металл

открылись еще не все двери ТЕБЕ

Глаза встречаются молча
пуговицы расстегиваются молча
молния делает: «Вж-ж-ж-ж-ж-ик!»

еще не все двери ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ

По черной луже рояля
проходит босая женщина —
игральная супер-карта

не все двери ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ ЕЩЕ

Мораль — роль моли
санитарная дремота
внутри все осыпалось

все двери ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ ЕЩЕ НЕ

Передвигая линии
переставляя слова
создаем варианты естества
ищем единый ключ
уводящий в понятий глушь
но порядок слов не закрепить
как птиц в караване птиц
они меняются местами
если устали

поэтому

двери ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ ЕЩЕ НЕ ВСЕ
ТЕБЕ ОТКРЫЛИСЬ ЕЩЕ НЕ ВСЕ ДВЕРИ

Десант

Уже тяжелеют легкие, леденеют ладони —
видишь, в прозрачных погонах
резидент небесной разведки
на квадраты обстрела
делит лазурь стрекоза
libellula bella.

Огневые точки ее зрачки.

Стрела вертикали,
размах параллели,
летней метели
зуд и озноб.

Парашютистка,
ближе, чем близко,
спускается к сердцу,
разумна — безумна,
танцующий зуммер,
поцелуем в упор — прыжок!

Но улетела,
оставила тебя на произвол любви.

Каждое облако — благо,
если все небо — слепящий глаз.

Просьба? Мольба?

Приказ!

Дейнека

(анагриф после выставки)

не дай дна ад
а дай дней над

Дневник ангела

Орос — танро — нидегор
флабель — дугрида — амбур
ничель — вестатор — фемель
гладуль — нивека — саум

Заповедь — орос
догма — танро
практика — ничель
дугрида — амбур
вестатор — мизинец
флабель — число
саум — зеленая точка
нивека — ладонь
саум нивека — сиреневый крест
Гладуль — двойная волнистая линия
между амбур и дугрида

Недегор отменяет заповедь
опровергает догму
пересчитывает число
Но — сопрягает сиреневый крест
и зеленую точку

Вестатор и нивека в принципе
величины постоянные
хотя флабель
периодически меняет
смысловое число
поэтому
двойная волнистая линия
должна
постоянно преодолевать гладуль
посредством ороса и танро

Дождень

1.

Дождь смотрит на бабочку сквозь стекло
Бабочка смотрит сквозь дождь

Дождь никогда не забудет бабочку
Бабочка уже забыла дождь

2.

Пинцеты пальцев
множат круги в лужах —
колодцах неба.

Допотопные

Возможно, кожа динозавра
переливалась, как у ящериц,
или даже сверкала всеми цветами радуги,
как у бабочек.

«Динозавр» означает «ужасный ящер».

Но, возможно, не всех из них были
большими тупыми земноводными.

Несмотря на крохотные головы,
некоторые могли быть разумными.

Просто мозг у них находился не в голове,
а в мощном спинном хребте.

Если мы говорим: «хребтом чувствую», —
то почему динозавр не мог хребтом думать?

Прожили динозавры на земле миллионы лет
и окончательно исчезли в средние века —
не исторические, а геологические.

Видно, тоже было мрачноватое времечко.

Поэтому, в отличие от человечества,
которое оживилось в эпоху Возрождения,
динозавры не оставили нам
ни Шекспира-стегозавра,
ни Леонардо-тиранозавра.

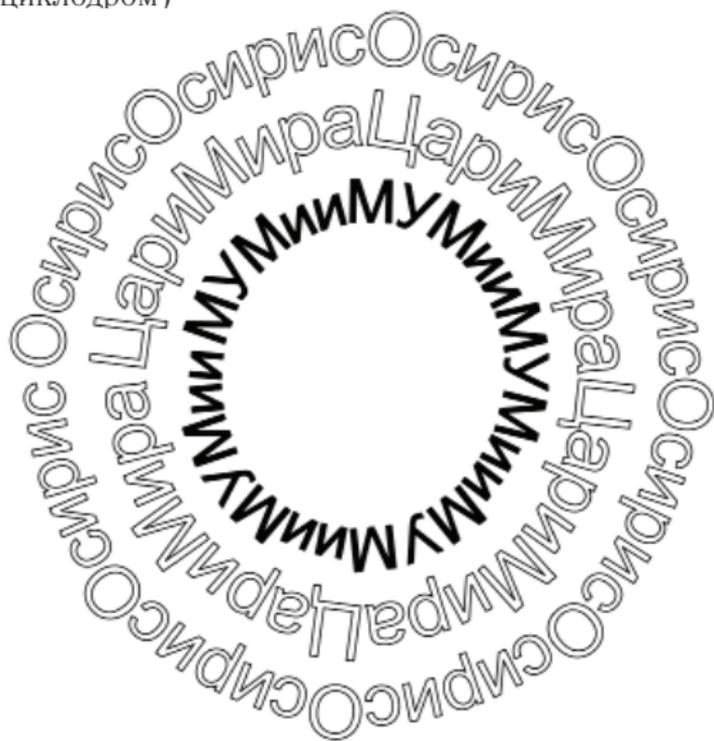
Дуэт дождей

Дождь Микеланджело изваял из влаги
водяное пламя сладкой сердечной скорби
Вниз головой из тучи
обтекает плазмой плоти
горький сахар телесного камня
Строит статую вокруг своего сердца —
иначе мрамор умрет

Дождь Леонардо врубил грозовой процессор
курсором молнии раздвинул линейки ливня
открыл окно в окне за окнами окон
выставил стол за пределом стола
вывел людей за пределы тел
увидел лик за пределом лица
слово творца скачал

Импульс — всплеск на дисплее небес...
и только —
сияние тел Микеланджело
пение перспектив Леонардо
вечное живое шоу —
возрождение радуги посреди дождя

Древнеегипетское колесо
(циклодром)

ДЕМОНОГРАФИКА

*Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края...
М.Лермонтов.*

Изнемогший в количестве огненных нор —
черных дыр,
неся все чуждое земле,
в склонах гор видел лики,
их принимал за недвижимых людей.
Не раз говорил им пароль вертикали,
не желая ответа,
обвала — едва ли,
горного эха, подобного стону.
Не железной не логикой всюду сражен,
когда на высшее обижен,
в тучах мчался обнажен.

В белое были одеты,
спускаясь вниз за водой,
в непонятном стремлении этом
себя заполнить жидким светом,
сделать свет внутри собой.
Жаром межзвездным себя ощущая,

доселе не зная заботы с таким,
осознал себя полом мужским,
затратой сил измерив разность,
дверь открыл мужской рукой.
Она бежала в темный камень —
мирный дом огней лампад.
Но понял он это как зов на свиданье,
что крестом обозначен таинственный сад
на карте горного района.

Как ныне сгущается южная лунная
одержимая розами тьма.
Касаясь перстами звучатора струнного,
ждет у окна она.
Томный голос воздух точит,
он же, попавший вибрациям в плен,
содрогаясь от губ до колен,
молчит.
Тяжкий инстинкт тяготенья земного
он вывел на волю,
он стал ему раб.
В ожиданье рывка основного,
как поезд арб,
тащился мозг.
Глядя в глаз ее светящий,

Мира ума он увидел воронку
и, тяжесть паденья губами смягчая,
утонул
в ускользнувшую в темень воронку.
Соленый оползень ступеней
стал внезапностью опасен.
Жертвой будущих преступлений
она холодела вне этих объятий.
Сжав в кольцо свои поля,
все забыл о прошлой жизни.
Плавала память в сплошной кривизне,
Взрывались нейроны, волокна деля,
чужеродные токи сжигали сознание.
И не слышал,
что сердце, слабея, смолкает
в ней и в нем, подруге вторя.
Он, подключенный к сознанию чуждому,
за чувства умом расплатиться бы мог,
но зачем ей разумное знание?
Чуда земного хотя бы частицу
сам не мог он добыть,
как из стали стекла.
Задача новая уму, мысль приятная текла —
сделать ее всем подобной огню.
Тогда же на грани земного предела

испарится ее водянистое ню,
станет искрой звездной тело.
Красоты ее здешней чужая природа,
владелица слез и добыча стенаний,
случайная прихоть, игра водорода
полезной станет, наконец,
вся — добыча новых знаний!

Сгибала даль окно крутое,
где в озерный барабан
тысячи палочек били стеклянно.
Уловлено тенью лицо золотое
ускользало усмешкой, уплывало луною.
Светясь от мыслей в полусне,
был он подобен кремнистому склону.
Она же — зеркалу пустому.

1985

Еще одно определение поэзии

Я из ЭО* — поэзия

*Эо... от греч. ἑως — утренняя заря,
часть сложных слов, означающая:
ранний, первоначальный (например, эолит).

Есть выбор?

Ложь... обман... враньё...
А разница?

Ложь — это основательное,
масштабное,
на государственном уровне —
коммунизм через 20 лет,
всем молодоженам по отдельной квартире,
снижение цен...

Типичный обман —
финансовые пирамиды,
где все участники
в конечном итоге соучастники.

Враньё... Это по мелочам —
то, во что не верят,
но с удовольствием
пересказывают друг другу.

В давние времена врун мог нарваться:
«Вы, сударь, бессовестный лжец!»

Перчатка в физиономию и —
пожалуйте к барьеру.
Теперь предпочитают судиться.
Оно и правильно.
Мало того, что оболгали,
так еще и убить могут.

И все же любая ложь,
любой обман,
любое враньё
держатся на том,
что люди
просто хотят быть...
обманутыми

Жизнь в лабиринте

Она вырастила в себе Минотавра —
он требует жертв
К ней боятся ходить в гости
Она считает себя отверж

Доля от-вер-
гнутого судьбой —
по телефону питаться ботвой
слухов и сплетен
не без таблеток
для сна
Ленью повязана —
для метлы нет сил
Лабиринт зарос грязью
голодный Минотавр укусил
ее изнутри
Взревел пересохшей глоткой
вылез через глаза
Голод злобы не тетка
не дядька
не дочь
не сын

От сыр-
ости злости осоки болот
зубы болят
Где был друзей лес —
теперь перст
указующий из углов комнат:
— Помни!

Все ей не по нутру
Но поутру
она выводит из нутра
своего Минотавра
будто рогатую собаку
и гуляет от людей сбоку

Забуть

Колючие слова злых чужих языков
на лёд упадут если —
заледенеют торосами,
разрастутся айсбергами в океане —
потопят Титатник. А я не там!
...забудь

Если злое семя в пустыню вцепится —
пусть вырастет колючкой для верблюда
сожрет её верблюд улыбаясь
А я не боюсь!
...забудь

Но если вдруг повезет
колючка в траву упадет
вырастет чертополох-репейник
яркий пушистый — пусть терпит
когда пчела ужалит в сердце
ядовитый сок потечет
Да кому нужен такой мед?!
А я не причем!
...забудь

Заклятие красным

Проходи в красном в красном
рассыпай кораллы горстями
заметай алым подолом
багряную рябь каналов

Вызов принят — кумач перчатки
разлетится кровавым пеплом
криком ночи кармин взовьется
и в зрачок упадет рубином

Ты нацедишь рдяной воды из крана
прошуршишь за червонной ширмой
уплывешь на пунцовых подушках
в зал повторного сновиденья

Там всегда от тебя убегают смеясь две тени
на нем киноварный плащ
на ней пурпурное платье
переспелое солнце —
лопнувший плод граната —
рот, обрызганный соком
слишком поздно созревших слов

ЗНАК

1. Мир геоцентрический

Снимая с плеч тяжелую обузу,
вновь Гелиос уводит в ночь коней.
Еще Персей не победил Медузу,
небо каменеет перед ней.

Не думая о том, что впереди,
коронай змей покачивая гордо,
царица озирает звездный город,
созвездьями играя на груди.

Вошедшая в круговорот времен,
гордась собой, глядит Кассиопея,
по предсказанью севшая на трон,
вселенной править не умея.

2. Сотворение

От первого толчка
качнулась туша великана
Темный слиток серебра
поплыл над оком океана

Тельца злаченные рога
сияли в небе над обрывом
пока незримая рука
вздымала воду в небо взрывом

Сочилась кровь,
и солонее океана
с каждой ночью вновь и вновь
сияла огненная рана

Планеты плыли вкривь и вкось
пока Земля, собирая силы
проталкивалась к сонму звезд
и на орбиту восходила

3. Петля времени

Летел или падал корабль
не знал рулевой
на стечение всех полюсов
колесован
взглядом во тьме увязая
Распускается рыбе вязанье
времен
где ДА — АД выдранного дыбой «да»
где СВЕТ — ВЕСТЬ из —
 ИЗВЕСТЬ стен
 дома без стен
Плыви, обратное слово,
с колыбельным жужжаньем
Корабельщик
ужаленный спицей вязальной,
на последней петле узелком висит
 свиваясь в жгут.
Жгут
свет тут —
 тот свет

4. Знак

Когда из звезд возникнет знак
и глаз прочесть сумеет знак
и звук и взгляд — единый лад,
злак взойдет из зла и знанья
звездный знак и знак закланья

Золотое лезвие
рассечет межзвездие

С тихим звоном, с нежным свистом
развернется синий свиток
синий свиток — белый свет
ни единой буквы нет

1982

Заповеди забвенья

В пустыне забытых желаний
контейнеры мусорные из серебра
осколки, обломки, обрывки — все золотые
Там память — рулетка
где ставят всегда на zero
Влюбленные в ноль
в уши вдевают зрачки золотой пустоты
дымные кольца
браслетами ловят запястья
диванные дюны обиды
изрезаны слезной фрезой

На высохшем пляже забытых желаний
приливные простыни спят очертаньями тел
отлив одеяла являет
раскрытые створки ракушек
и множество тайных желаний
забытых в песке

В печах раскаленного кварца
рождаются строгие линзы
витражные зрячие стекла
зеркальные сабли стрекоз

Зверь музыки

Выпусти руку из клетки —
все семь пальцев
она сама себе лестница и зверь
пусть она обследует изгиб дыханья
западая в клапаны не навсегда
В ней бросок со всех сторон
зебра — тигр
выбегающий толчками из венка мышц
На руднике бараньих жил
смычком прикована к крупу скрипки
конь-рука копытит колоратурное си
В паутине звука
восьминогая рука
боком-боком спешит к дрожанью
притрагивается — отбегая
отбегает — притрагиваясь

Зеркало Евы
(палиндром)

Аве, Ева!
Ума дай Адаму.
Рад я, ем змея дар.
Но мед — демон,
небу — бубен,
ночи бич он.
Я аркан звезд, ад, зев, знак рая
Я луна нуля,
ада к раю аркада
Узор ангела лег на розу,
нежен
летел,
лад Евы ведал.
В аду зло плёл — полз удав.

Иероглиф тигра

Пластику ветки
перебором позвонков повторяя,
графику зарослей
на себе несет,
в лунораспаде
мандарина ночи
на фазы
фанза луны
четыреоконна.
Утреннее разумение
без ночных опасений — что?
Следопыт тропы,
старатель обзора
горизонт сводит к вертикали зрачка,
пока
ветер,
листаемый летящими плоскостями листьев,
ежится
иероглифом робости
над прописью
свежеокруглых следов.

Исход
(палиндром)

Но истин мнит Сион
и манит, сияя истинами,
нежа в мифе лад: Алеф им важен —
се в иге Моисей еси Омеги вес,
но немел покоем, увы, в уме, око племен он
Яме нем исход. Звуку — вздох с именем: Я!
Ум — его «Бытие», и Ты — Бог ему.
Вознеся соло гнева, равен голос, ясен зов:
«Иди!»

Игр рай

Игра вечера — четыре карты:

Рама

Дверь

Зеркало

Картина

В середине

бабочка замерла — туз

где остановился оконный слайд

Сладко

и горячо

музыка движет движенья

Между телом и жестом микрон простора —

простой повод

рвануться навстречу

перетасовать и очнуться

лет десять назад

Козыри — пятница — день Венеры

Лишние разговоры

начерчены на листьях

и летающих существах

ветер уносит страхи
 в грот сов
оставляя нам восторг
и игр оргии —
рай.

Мистика вроде мостика
о т т у д а — к нам
по которому
по вечерам
мы свободно гуляем.

Иградация

Все, что мне принадлежит,
принадлежит мне
Голые серебряные витринножители
иногда одетые кентавры
иногда никелированные муравьи
поворачивают стулья в сторону улицы

Кто сделает первый ход —
я, или ты, или тот, кто ветвится в парке?
Игроки в морскую десятку
все обменивают на соль
Видишь рыбу Свирель?
Если да,
сделай четыре хода в сторону Бирмы
Если нет —
возвращайся на станцию Маяковская
в десять вечера вчера
там тебе пометят партнера задачнике
для решения уравнений сна
Когда уже сбросишь одежду,
загляни еще раз в зрачки —
запомни вое отраженье на два хода вперед

То, что принадлежит нам,
не отдавай снам
Сонм — это много снов
Берег — это листай тетрадь
в сторону Индийского океана
Научи паруса геометрии ветра
но если твой корабль еще не раскрашен
можешь притвориться гиеной
и хохотать, хохотать
набирая баллы для будущих боев
в акватории противника
Выходи на штурм, когда шторм
Соблюдай строгий стиль, когда штиль
Не бери в команду панду —
это черно-белый шахматный шпион
Шахматы навязывают свои правила любой игре
Наша цель — аквамарин
Наш король — горизонт
Когда достигнешь трона,
не смотри за смысловой барьер
поверни в сторону Карпат,
где бы они ни находились в среду утром
Все что принадлежит тебе,
принадлежит тебе здесь

Индийская защита

Обыграй себя, махатма шахмат
пешим уходи —
дервишем или шутом
Зажги костер из фигур
башней былых успехов
Но лучше выпиши из Шотландии
ловких швей
кроить из клеток доски
королевский килт
А пока привыкают к ветру колени
пропляши себя между королевами
Выиграй сердце Марии
проиграй голову Елизавете
Пока волынки
плетут воздушные петли
над полем битвы
выведи самолеты и танки
выбей решетку клетки
вариантом бури
отыграй у моря
Колумбовы корабли
Отвергни испанскую партию

уходи по клеткам карты
под защиту Индии
где гологоловые воины
ведут вертикальных коней
Женские пешки
послушные флейте Кришны
расставляют под платьем колени —
атака страсти — стратегия лени —
наступают танцующим строем
перед тронном
королевы Кали
Вдоль — поперек — по диагонали
она контролирует поле
белое молоко смерти
течет из черной груди
Бога не выбирают!
Встань и ходи
играющим Шивой за облаками
на четырех досках
в четыре руки.

Из

ИЗ
ПАУЗ сеть соткал
ПАУК
где ПАРК и зелень
попалась ПАРА мух ему
для ПИРА
но МИРА тишина
и МЕРА красоты
и ВЕРА в чудо
и ВЕРХ и НИЗ
не ИЗменились

Играю ноктюрн

«...на флейте водосточных труб?»

В.Маяковский

Я узнаю вас позвоночно
флюиды флейты в трубах стока
когда размытое утрило
в дали палитры мокрых окон

Бурливо гулькает в решетках
реки подземное бульканто
и дней закадры завершает
багрово тучное адДанте.

Инженер воды

*Гидросфера занимает 71 %
поверхности Земли*

1.

Инженер ВОДЫ
планет ХОДЫ сверил
светил ХОРЫ озвучил
пробурил НОРЫ черных дыр

2.

Инженер ВОДЫ
свел к нулю ГОДЫ
пустил по небу ГОРЫ облаков
льдом покрыл ГОРБ горы
утвердил ГЕРБ солнца

3.

Инженер ВОДЫ
пролистал ВЕДЫ морей
раскрыл ВЕНЫ рек
уравновесил ВЕСЫ равнин
известил грады и ВЕСИ
расставил ВЕХИ времен

4.

Инженер ВОДЫ
РОДЫ луны принял
скрепил РУДЫ в утробе земли
магму в гРУДИ разжег
деревьев РУКИ ввысь простер
бабочки, ЖУКИ, птицы
от ЖУТИ мрака
к СУТИ света летят

Имена

Сколько имен:
сумрак, мрак,
тьнь, темь,
темень, сутемень,
темнота, темнотища —
тьма тьмущая...

И только одно имя — свет.

Июль

Тысячеглазый
ты медлишь над краем цветка
на плахе отвесной
в серебряной сетке палач
Спина у пчелы под седлом онемела
дальше лети улетай
в зеленое небо оврага
в ограде
из пальцев
сведенных замком на затылке
На пяльцах
распятый покров
Вышивальщица
голову клонит над мятным узором
в ресницах блуждает пчела
колет ей щеку вышивальной иглой
Улыбаясь изнанкой лица
вышивальщица
глотает крыжовник

i

Поручик Толстой
и штаб-ротмистр Фет
любили читать Канта

Кант сказал
в «Zum ewigen Frieden»:
— Кончайте мировую корриду,
а то все придем
 «К вечному миру»
на кладбище.

Фет промечтал:
«Вечность — мы»

Толстой написал
«Войну и мир»
а потом
«Войну и мир»
исчезло из міра і с точкой
мир без точки
продолжает войну

Krieg und Frieden
Krieg und Welt
Krieg und Wetter
крик и ветер
 ветер
 ветер
 ветер
 Огонь!

Йорик

Йорик (компьютерная программа):

– Добро пожаловать, Гамлет!

(Осыпается)

Гамлет (компьютерный вирус):

– Бедный Йорик!

Квадрат

Я вырубаю желтый ток
обнажаю черный квадрат окна
в нем пылает солнце
спрессованное в каменном угле
сдавленное до алмаза
ограненного руками Спинозы
Его размывал Рембрандт ван Дождь
излучаясь навстречу формулой:
черное = золотому
В нем глубинное масло земли
горящее факелами скважин
голубые ладошки газа
заманивают в темноту
где он — отец травы
Корни рвут полотно
проталкивается зелень к небу
которое сейчас, прямо сейчас
вот-вот
 разорвет
 молния!
И тогда рушится рама
проваливаясь в кратерквадрат

КАМНИ, или ЛЮДИ

Наш пращур Арбалет и матушка Тетрадь
построили для нас второй этаж любви
там платина песков и серебро Камней
когда они Луне дают прямой ответ
о числах для Людей
Их «нет» прожектора музуют под стекло
где Ферсман — им отец — их узнавал в лицо

Их видел Галилей сквозь умную трубу
он в пышных платьях дам
водил смотреть Луну
такой любовный акт, но сброшенных одежд
никто не видел там, а Камни знают все

Нам брат был Микроскоп.
Предметное стекло
нам открывало в жизнь прозрачное окно
и каждый Камень был однажды я и ты
пока он стал собой
Карузо колеса нам скрежет пел и скрип
ведь это ультразвук, он выше звуков всех

Над пеньем мостовой нам Андерсен в окне

выгадывал судьбу и нежил архетип
там снежная жена в глаза глядит сквозь лед
и думает про смысл
А смысл — такой обман
его мы в город свой не пустим без письма
Те письма поутру нам Рембрандт принесет
он свой ночной дозор оставит за углом
стеречь велосипед
Из писем всех картин мы выберем одну
а он оставит нам автограф на стене
ведь Камни все хранят

Наш город мы назовем Врата
Наш город мы назовем Дверь
Наш город мы назовем Окно
а Город назовет нас

И тогда Колумб взвалит на плечи океан
Камень ему будет компас
а башмаки корабли
он пойдет по отрогам соленых гор
а Феллини с причала крикнет: «мотор!» —
e la nave va

Монахи Джордано и Николай
поднимут библейские паруса
а император Константин
откроет врата впереди пути

Штурман Эйнштейн проложит маршрут
не минуя ни одного шторма
пока боцман Бор на корме
играет в кости с Богом

Ветром попутным ударит в парус
голос Марии Калласс
взмахнет рукой Герберт фон Караян
вскинется океан
головой Бетховена
и оглохнет тишиной
залитый воском времени в ушах Одиссея
от воя сирен Второй мировой

А на жидких экранах волн
проплывут полководцы времен
avanti Cristo e dopo
и только хирургия Хемингуэя и Набокова
спасет слова от гангрены смысла

Будут Камни брести за кораблем
бороздя дно
обрастая ракушками морского шума
а когда выйдут на сушу
вырастут скалами
В них океан стекла просветлеет окнами
небо прилипнет к мокрым бокам

Примут прибрежные Камни корабль-дом
обросший птицами, солнцем, льдом
выплеснет Pacific
медного быка для Пасифаи
остановит посреди street
и царица родит
Минотавра —
город,
который никогда не спит
Камни построят ему Лабиринт

А ты спи и не бойся —
у ангелов крылья Боинга

2007, над Атлантикой

Клоун лун

Клоун лун
заглянул
в кольцо окружения звездных ежей
опутавших небо
проволокой колючих мерцаний,
где планеты-арестанты,
приговоренные к орбитам,
за преступления аномальные —
астральные,
измеряют периметр двора
вокруг Джордано Бруно.

Клоун лун
нырнул
в трубу Галилея,
скользнул сквозь линзы,
взглядом завис над лагерем планет,
планируя побег заключенных
через черную дыру.

Но Джордано утек другим путем —
через солнечный костер.

Был bгипо —
«коричневый», земляной,
стал горящим Джордано —
небесным Иорданом,
звездной рекой.

А клоун лун
колпак на уши натянул,
хохочет:
«Все мы
пленники одной системы —
солнечной!»

Кандинский синий всадник

КОНЬ

КИНЬ

бег в **СИНЬ** —

неба **СЕНЬ** — день-день

ешь **СЕНО** туч

солнца **СЫНОМ** будь

Твой **СКОК**

СКОР

а**ККОР**д света

УКОР РОКУ

Дай **РУКУ**, всадник

перенеси через **РЕКУ**

к новому **ВЕКУ**

Горит над **ВЕКА**ми

синим огнем **ВЕГА**

звездный **ПЕГАС** скачет

Клуб

Тайные участницы клуба
носят в сумках клубки,
искушая спицами спутников
по поездам подземным.
В середине руки перетекает сфера.
Вязальщицы сверяют ц-ц-ц спиц и пальцев,
социума и цинизма,
а в середине мотка зародыш жизни
кормится червячками чулок и перчаток.
Вязальщицы — тайные арабы вязи —
отдают в-з взгляда
возникновению,
вызревающему визуально в зернах петель,
распяленных в подземельях,
где взвизгивают колеса,
высекая с-к-р искр из скрежета,
и скрипучее ре дверей
выпускает ру рук,
скрученных уже рукавом супружества.

Стянуты бантом Н
жених и невеста.
Сопряжены пряжкой Ж

муж и жена.

От Н к Ж мостик «нежность»,
лесенка «желание» к домику «жизнь».

- Что это ты, бабушка, прядешь?
- Нить жизни нижу.
- Что это ты, мама, измеряешь?
- Ее протяженность.
- А что это девочка с ножницами бежит?
- Пир открывать пора!

Пир — это $\square R$,
 \square , умноженное на R ,
половина длины окружности.

Чтобы круг замкнулся,
нужно $2 \square R$ —
пир внутри и снаружи,
пир крови и кожи.

Пиру — пир!

Здесь
выпустят вас
из
кожи,
уже сожженной.
Здесь
освободят вас

от двояковыпуклых линз,
окрашенных железом,
заменяя Ж жизни на Ц свинца
цвета непроницания.

Здесь
развяжут вязь вен,
распутают паутину нервов,
смотают волокна мышц,
спрядут кудель мозга,
смотают в клубок,
пронзят вибрирующей спицей
три пряжи-вязальщицы,
три сестрицы,
тайные участницы клуба,
хранительницы клубка,
направляющие спицами
спутники вокруг планет...

А что будет потом,
там,
каждый узнает один,
сам.

Колесо

Скри-и-ипит колесо

Скри-и-ипит колесо

анилиновый закат упирается в затылок
мимо двоих умирающих в поцелуе
зомби крадется тропой озноба

Скри-и-ипит колесо

лиана попалась в собственные петли
умри, лиана, умри!
лев поджигает гривой обруч луны

Скри-и-ипит колесо

Индра остановил колесницу
снял с колеса скрип
вылепил безголосую птицу

Тихо-тихо едет колесница
на ветке птица:

Скри-и-ипит колесо

Скри-и-ипит колесо

Книга

У каждого под кожей
живет книга,
процарапанная рыбьей костью,
прочерченная когтем,
испещренная пером.

Слово — паром
между солнцем
 и сердцем,
перевозчик
 туда и обратно,
переводчик
 со всех языков
лижущих слов,
кусающих слов.
говорящих, молчащих.

Горлу дан ор,
орлу — дань неба,
недра дракону стеречь,
речь рыб — ультразвучанье
в ультрамарине морей.

Реять над морем чайке дано
но
человеку — слов вес носить

Не переводи ничего,
кроме влаги на язык рыбы
из созвездия Рыб —
пусть странствует
пока не поймет.
Тогда перечитай перевод
и переложи его снова
с языка неба на язык слова.

Кроссворд

ПоцелУй пересекает кУхню в клетке У
и потомУ имеет вкуС лука

В свою очередь луК
вместе с Картошкой
морКовкой

Капустой и

СвеКлой

пересекается с Кастрюлей

в клетке К

котоРая

в клетке Р

пеРесекается с боРщом

А

блины

и

сковорода

не пересекаются

потому что они параллельны

Кукла

Заведи себе куклу
заведи — запусти программу.
Кукла умеет ходить, говорить
петь голосом примадонны,
танцевать, как прима-балерина
Любит платья примерять
и подарки получать.
Будешь ее хвалить, в гости водить —
перед друзьями хвалиться...
пока не сбежит улыбка с лица,
и проскрипит игрушка
голосом старушки:
— Вы меня использовали,
хватит унижения,
требую к себе уважения!

А в гарантийной мастерской скажут:
— Тут никто не поможет
она стала теткой.
Отправим на переработку.
Но деньги не вернем —
вы опоздали на сутки.

Король лир

(музыкальная шкатулка)

Король:

— Я — король лир.

Королевство лир — мой мир.

У меня три дочери-лиры:

Лора, Лара, Лера.

Когда молчат,

они голы,

мелодия — платье их,

одевает мелодия тело.

Лиры — Лора, Лара,

Лера — лира.

Первый рыцарь:

— Лир король, отдай мне Лару.

Горло Лары — клад,

в нем клавишный лад,

в нем даль рыданий,

в нем ларго смеха,

Лара — ларь ладана.

Кларнетта!

Второй рыцарь
— Лору мне, Лору, король,
королевну оленей.
Кровь моя бродит
и бредит лишь Лорой.
Лорою я обескровлен,
кров мой разломан,
ором колонн оглушен.
Лору мне, Лору!

Третий рыцарь:
— Лера лезвия резвей,
розовее резеды.
Лера — времени реле,
мне отмеривает жизнь.
Лера — лес заповедный,
ребенок речного плеска.
Лера — клевер и клен,
Лера — ревность.
Я — Леры орел.

Лиры:
— Слушайте, рыцари лир!
Друг в друга играя,
друг друга ревнуя,

мы круг свой замкнули
скрипичным ключом.

Придите к нам,
нами играйте,
войдите в наш круг
и разбейте
лады
ради любви.

Рыцари:

— Три рыцаря, три лиры —
два трио.

Упругое эхо
скачет орехом
в горле звенящей подруги.
Вместим ли друг друга?
В ключинах меч мой скрипит
о моей триединой невесте.
Вместе, вместе
лиры — Лора, Лара,
Лера — лира.

COR-корабль

Сердце — COR—КОРабль
CROss-крест внутри трюма
пробоины в переборках
проливы — приливы — фьорд аорты
COR — КОРоль — сердце
изнутри миром правит
плавит металлы в кратере страсти
плывет в магме
магнитом тянет железо из звезд —
КОРм КРОви
COR — КОРвет — сердце
мерцают пульсы
пульсируют снасти
паруса-протуберанцы
в КОРОне солнца
горят в эфире
Мы — твое море
КОР — КОРсар!

Красивые

Тен чениго иревекас депарга
Нет ничего красивее гепарда
Ягуар — гяур, гений угрозы
Красивые всегда грозны
Нио гвесада —
они всегда.

Тигр и зебра вроде играют в одну игру
Мавра-ревнивца над ланью
играет пантера, рыча
Лев играет царя молча
Он властью солнца свят
Красивые всегда играют
Аргия яргот —
играя горят
Нио гвесада

Перекаtywая гортанью гравий,
вверх — пружина — прыжок —
леопард
Красивые всегда правы
Нио гвесада
Оге муш немшубес —

Его шум бесшумен.
Безумен
кто не отвел взгляд.

Красивые вроде хищные пляжи
или прожорливые ковры,
где внутри
огненные шары перебегают.
Не засыпай,
тебя растерзают.
Не убегай —
все равно растерзают.
Красивые всегда терзают
Он ен од мертис —
но не до смерти.
Но не до смерти —
он ен од мертис.

Кружево

Дремотный жук
верша весенний *марш*
 узорный *шрам*
прошил
в древесном теле
восстав из праха *урн*
забытых
 знаки *рун*
наука паука — плести
тенета смысла
что не понять
 и *знал*
хотя живая *линза*
росы
все прояснила
прежде чем *упасть*
 и *пусть*
провинций дева
урок жука
путями паука
из нитей простоты
научится плести

в своих виденьях
что дальней дамы *грудь*
ревнивый *друг*
укроет в шелест *лент*
и *тлен*
ее рунических заклятий
из кружева
оружьем красоты
рука грозит
и древнего жука
сухая тень
царапает запястье

Конь

Конь из доски ступил на клетки сна:
сон сделал ход конем —
он в букву Г согнул коня колено,
и ниже этажом стал сон.
Он нас тянул в машинный зал,
где приглушен шум мозга сном,
но образ Г-ноги сквозь пол
в подвал подсоонных помещений вел.
где воздуха озон искрил,
скрепленный сетью сил
доски, прозрачной до решетки,
перебирая четки
вариантов, выбирая очередной зигзаг,
где память — перегрузка перед взлетом,
но спасенье там единственно
и равнозначно строгому углу.
Отстреливайся гулом коридоров
от степени усталости ума.
Иди ко мне — за поворотом конь,
он Г-прыжок готовит,
которому не ведомы загоны —
законы заграждения для людей.

Корабль в раме

Ангел в море корабль накрыл крылом
Море свернулось ракушкой вокруг корабля
Аквамариновое нутро
мерцает кристаллами соли
словно в созвездья играют вода и солнце
ангелу нравится эта игрушка

Ангел склонился над кораблем
моря фрагмент очертил взглядом
крыльями вырезал раму из горизонта
в небо поднял картину
...и вспомнил о чем-то другом

Ангелов память короче вдоха
Путь корабля ограничен рамой навечно

Капитан

Неведомый капитан корабля дозора
взглядом оглаживает простор.
Рост его соразмерен мачте фок,
фокус его бинокля
сосредоточен в местах катастроф.
Ров синевы зеленой,
кров тем, кому дом — дно.
Капитан осторожен в своих отраженьях,
он идет над видимой глубиной,
ориентируясь по карте
системы кровообращения.
Волны вспенены языками на восток.
Крови ток
ловит волновой пас
сбивая компас
на полнолуние.
В руке у капитана стакан —
буря бродит в граненом стекле,
но капитан
укрощает бурю одним глотком.
Буря, теряя форму стакана,
принимает форму души океана
на дне,

где в глубине,
невозможной земному зрению,
регенерируют рей,
пломбируются палубы,
затягиваются в бортах пробоины,
срастаются снасти и паруса,
пока не вострубят на все голоса
раковины из глубины.
А когда корабли восстанут,
их станет больше, чем чаек,
больше, чем ангелов отражается в куполах.
Но приливы, притянутые луной,
выплеснут их за пределы земного света,
где в звездной пене летит комета —
капитан.

* * *

Когда соревнуются
звонок дверной и звонок телефонный,
юбка не успевает нагнать колени.
В комнатном омуте луч дневной
взрывает глубь не ночного забвенья
Во тьме затылка рука блуждает,
странствует, доверяясь телесным волнам.
Два часа тысячелетней пропасти ожидания
в щекощущий шрам
срастаются
И в ответ на все «почему»
озноб принимает форму тела
Так легко потерять свое тело,
изведав глаз золотую тьму
Пусть в закоулках кошачьих игр
полдень провалится в карюю полночь
Арфа волос моих,
на согнутый локоть натянутая, звенит
дерзкой мелодией на диске пиратском
в неистовых клипах оконных экранов
в домах бессонных:
«Когда соревнуются
звонок дверной и звонок телефонный...»

Картина

Глаз, не стен избегая,
парить, висеть не хотела картина.
Рама, не бесконечность вокруг.
Ночи заговор ломал луч —
кисть не летала,
растекался свет, цвет не видел он,
сияние в небытие сгущалось,
возникала, но таяла линия,
бел был холст.

Холст был бел,
Линия таяла, но возникала.
Сгущалось небытие в сияние.
Он видел не цвет — свет растекался,
летала не кисть —
луч ломал заговор ночи.
Вокруг бесконечность, не рама.
Картина хотела не висеть — парить,
избегая стен, не глаз.

Лад ладони

Не позволяй никому чужому
вникать в рисунок твоей ладони.
Из-за небрежного прикосновенья
формула смысла изменит значенье,
линия взлета собьется с пути
и превратится в крутые ступени.

Эти ступени в степени стен
эти стены в степени солнц
эти солнца в степени ос
эти осы — везде глаза.
Правый глаз называют Эрэль,
в нем жук оживает вслед за осой;
левый глаз именуют Глор,
он множит хрусталиком стекла дней;
третий глаз погружен во тьму,
Эрчи Релейдер имя ему.
Руки находят на теле
множество тайных имен,
когда в темноте
постигают телесный объем.

На левой ладони —
всеобщий чертеж,
его изучает медленный взгляд жука.
На правой ладони —
каждому личный рельеф,
его повторяют в воздухе
быстрые взгляды ос.
Это окно в квадрате луны,
это деревья в кубе домов,
это прозрачные дробы дождя,
нет им решенья в пределах дня,
это круглые скобки век,
что прикрывают формулу сна.

Сложи ладони обложкой книги себя,
она проста и доступна,
словно узор
на луне.
Там тайное тайно,
а явное — тайно вдвойне.

Лестница

Две птицы,
соединенные крученым шнуром.
Три птицы,
соединенные медной цепочкой.
Четыре птицы,
соединенные шелковым платком.
И многие другие,
объединенные идеей лестницы
из воздушных квадратов.
Щебет, свист —
лестницы поют клювами вниз.
Морские рыбы вторят хоралу,
красный коралл
прорастает в сердцах,
кальций мерцает или
кремний на крыльях.
Лестница птиц видит лестницу снов —
птичий сфинкс.

Мир строился сверху вниз,
будто падая ниц

с лест-
ниц,
стра-
ниц,
рес-
ниц.

Так и мы опускались —
ледяными словами туманы творить,
изобретать ураганы, тайфуны, цунами.
Но зато мы придумали штиль —
океаны учить отраженью.
Но зато мы внедрили жесты в деревья,
а еще сочинили верблюда, жирафа,
утконоса, лемура, тапира
и муравьиного льва.
Но когда мы, наладив песчаные бури,
уснули смотреть в телескоп через камень,
лестница птиц развернулась над нами
и вознесла нас обратно на небо —
смеяться любить.

Лоза

Виноградарь декабря
хранитель лозы багряной
со всех столбов сорвал провода
для лиры горной
протянул струны
из пропасти до вершины
каждой имя дал

Одна струна — Нет
 другая — Гром
 потом Прихоть
 за ней Вихрь
 а звонче всех — Страсть и Смех

Птицы крыльями цепляют струны
щиплют клювами
Гудит в лад зимний лес
где птица клёст
презирая мороз
кормит птенцов семенами снега
клювы-кресты
всегда сыты
трещит в ледяном пламени

снежный хворост зимних костров
Виноградарь верен лозе
лоза проворна и прихотлива
Облако гору накрыло ливнем
одело гору ледяным платьем

Виноградарь лозу перебирает пальцами
дышит в ледяные зрачки
Шепчет лоза: «Согрей меня...»
Виноградарь распахивает одежду
в объятьях лозу держит
сердце кровь гонит
В рассветной агонии
солнце и ветер гонят тепло

Лопнул ледяной панцирь
трещины бегут вниз
грохот и свист
ветер запутался в струнах
птицы проснулись
Виноградарь и лоза
глаза в глаза
смеются

Льюис Кэрролл, фотограф

Ветер — дилинь-дилинь
голову запрокинь —
гусеница падает прямо в кадр
опережая тень

Птица — ти-ви — ти-ви
Пульт завладел рукой,
кнопка на палец нажала
нежится гусеница в пене сериала
Отправлю ее на Discovery
пускай оставит след в истории

Стальные гусеницы в кадре
на поле битвы Александра
парадоксальны не более
чем чайная партия Кэрролла и Набокова
на шахматном поле

«Математика — простейший способ
водить себя за нос», —
сказал Эйнштейн
но открыл это Кэрролл Льюис
вывел формулы за пределы английского парка

Логика — явление того же порядка

$$1 + 1 = 0$$

Чайник сказал:

«Буль-буль, Джордж Буль!» —
и заклокотал от смеха

Следствие — всего лишь повод для причины

Алиса и прочие девочки —

переменные величины

но в мире величин переменных

фотопластинки нетленны

Фокусное расстояние изменяется в зеркалах

гусеница

дрожа спинными ресницами

исследует линии на юных телах

Перед камерой девочки —

что стрекозы или цветы,

свободны, легки — но

для фотографа согласие родителей

о-бя-за-тель-но

Впрочем, его карандаш своеволен

рис(к)ует забираясь под платье

Рисунки и снимки —
плоды бесплотных объятий
но не для Кэрролловых братьев
Братья не-кролики
костер во дворике
разведут
спляшут у всех на виду
Твидлди и Твидлду
остальное продадут

Гусеница в кадре раскроется мотыльком
Пепельный ком
костра
шевелится серой розой
Цифровые стрекозы
иксами неведомых уравнений
на авиасалоны будущих поколений
улетят

Столько зеркал и зеркалок сменила Алиса
что вся растворилась в магнитных дисках
Нажми play
и среди фото-магических аллей
в кадре окажешься

Люди огня

Мы — сыны ОГНЯ
дочери ОГНЯ
мы среди ОГНЯ не сгорим
Брошенные в ПЛАМЯ
наше тело-ПЛАМЯ
мы не предадим
Мы среди ОГНЯ
мы — душа ОГНЯ
каждый человек — ПЛАМЕНИ язык
Мы играем
мы сверкаем
мы горим и не сгораем
пляшет ПЛАМЯ
языками
в нас
Если нет в тебе ОГНЯ
не ходи вблизи ОГНЯ
берегись детей ОГНЯ
не глядись в глаза ОГНЯ
не коснись рукой ОГНЯ
Вмиг испепелит тебя
ПЛАМЕНЬ-человек.

Лингвистическая математика

- Много было народу?
- Да три человека!

Итальянец ответит иначе:

- C'erano quattro gatti!
(было четыре кота).

Значит три наших человека
равны четырем итальянским котам!

Или:

один итальянский кот = 0,7 нашего человека
зато наш человек = 1,36 итальянского кота

Лезвие

бледное лезвие луны
лезвие бледной луны
луна бледного лезвия

зовущий разрез в яблоке заката
lame – lame – la-me-la – mela – mela*

*lame – лезвия, mela – яблоко (итал.)

Линия

В глазах много места

для цвета

цвет — зрению хлеб

но я линию люблю

она лания — ления — лония — луния

Она слева направо — линия

она справа налево — я и Нил

где на берегу зашифровано число ПИ

где царит РА

вершину тянет МИ

основание утверждает ДА

Там по стенам вьет-ца верени-ца

рабов — писцов — ца-рей — танцовщиц — ца-риц

Но кто перед кем склоняется

кто падает ниц?

Или было просто похоже,

когда острой раковинной

очерчивал на песке мою тень

и розовел раз-

рез

зар —

зер

Лев

На берег музыки
выходит разгневанный лев
гриву огненную склоняет
ложится на камни
воду призрачную лакает
и присмирев
говорит с луной языками пламени

На берегу музыки
грохочут волны безмолвия
оглушают молчанием чайки
Здесь убивают любовью
воскрешают отчаянием

Мудрость музыки высока и строга
зорким слухом миры прозрев.

Нет у музыки берега
нет у музыки берега...
но есть лев

Майская ночь

Майскою ночью
парами парубки, панночки
каблучки позванивают по звездам
мостик считает шаги

*— Зеркало-речка, скажи
вправду ли я хороша, как все говорят?*

Лодка качнулась, волной улыбнулась вода
рыба плеснула ли из глубины

— Краше еще, еще краше!

Смеха ночной колокольчик
белое горло щекочет
дышат цветы на сорочке
дрожат лепестки

*— Кто тебе вышил сорочку?
— Матушка душу вложила
крестик на крестик, стежок на стежок
слышишь — домой меня кличет*

– Не слышу, далече

Жаром ладони ложатся на плечи
Вдруг опустела ладонь

*– Вот и черемуха – белым цвела
а ягоды будут черны
– Лучше гляди на калину –
ягоды красными будут, что губы твои*

К шепоту шепот
к дыханью дыханье
жар и озноб ожиданья
месяц восходит над левым плечом

*– Может, вернемся обратно?
Скалится месяц, назойливы звезды...*

*– Поздно, калиночка, поздно
мост развалился, лодка истлела
река заблудилась в тумане
Отныне
нам майская ночь навсегда*

Медитация на меди

Бредят фактурой
гравюры
на меди
медиевисты —
им медь
металл тайн,
где
в пчелиной страде
труда
вычерчивал на меди мед —
сад
Христовых страстей и страданий
гравер,
исповедуя медной зеленью легких
дней недолгих
философию пчел
семьи за плечами.
Медленная дрема
медальона ее лица
медью наведена рукой ревнивца,
дева с младенцем —
дневная звезда над колодцем,
одевая пыльцой медоносной

царицу-пчелу —
иглу
гравера,
ужалившую нас
медиевалью сквозь
свинец
страниц.
Ниц
луч
бледной медали солнца
сочится,
сходит витраж через
лестницей в череп
медика-аптекаря,
титрующего капли купороса
меди ума
гравера —
древнего друга
в едином кругу друзей вокруг
Большой и Малой Медведицы.
Дочь вся из меда лица
и меди волос
свадьбой смела с небес звезду отца.
Он как бы хочет взойти за ней
на небо ногами —

навзничь — его несут по дороге,
кольцами медного змея вернувшей
из долгого странствия
доброго сына,
дабы снова
полнился медным
медовым гудением
дом
гравера на меди. Аминь.

Мастер моря

Море Спокойствия лишь на Луне
Море Ревности ищи на Венере
Море Ярости на Марсе, наверное
На Земле — море Любви никем не измеренное

Мастер моря
горизонтом брови нахмурил
буруны бросил на город
чайку нарёк Маргаритой,
короновал горем
Чайка рвется вверх криком «верю!»
зрачок через бурю искрит
Скрежет и скрип
старой кареты Ночи
водоворот утра уносит прочь

Таёт облаком Маргариты профиль
Мастер моря
приливом рассвета
город накрыл по самые кровли

Батискаф золотой всплывает со дна

Мебель жизни

Диван

Друзья

Игры

Влюбленность

Амбиции

Надежды

Шкаф

Вдруг приснится

шкаф из времени детства

однажды

полный одежды

плотно забитый

всем позабытым

мамины платья до которых я доросла

обогнала

и выросла из подростка

Любимая юбка

цвета неба в облачной дымке

белые пуговицы до подола

«мужчинам некогда» называлась юбка —
шутка
не очень понятная мне тогда
Первый черный свитер для школы
когда разрешили ходить без формы
А дальше на плечиках
платьца мини
каждое — чудо, сшитое за один вечер
яркие разные
тетки в троллейбусе: «Безобразие!»
Пальто цвета сирени на одной пуговице
размером с блюдец
«Осторожно, двери закрыва-
ются!»
смыкаются дубовые двери
шкаф ушел по маршруту вверх
следующая остановка —
обновка

Комод

в этом ящике лежат нужные вещи
в этом ящике лежат нужные вещи
в этом ящике лежат нужные вещи
в этом ящике лежат нужные вещи

в ящике этом лежат нужные вещи
лежат в ящике этом нужные вещи
нужные вещи в этом ящике лежат
вещи нужные лежат в ящике этом

в этом ящике лежат нужные вещи
в томэ ящике лежат нужные вещи
в этом ящике лежат нужные вещи
в этом ящике лежат нужные вещи

Стол

Стол — это столп
и престол
цивилизации

Метаморфозы

Вот станет небо землей, а земля морем;
вот станут камни птицами, а птицы нами —
что тогда изменится в мире?

Мы не знаем.

По моей руке ползет муравей,
на тебя похожий;
вот я бабочкой промелькну у твоего виска —
я сразу узнаю тебя всей кожей,
а ты угадаешь меня
в мелькании крыльев мотылька.

Вот я почувствую себя деревом —
вскину вверх руки,
листвой шелестя и звеня.
Но догадается ли это дерево,
что оно — я?

Морские пчелы

Где рокот волн у скал,
Там шелест морских пчел.

Вчера Пчела
с чужого Чела
Ела
Лакомый мед —
Ам! — ума.
— Аум, — сказала
и вознеслась.

Бензин изначально подземен.
Он со свистом сдувает машины в ад.
Ветер моря имеет вес веры —
в нем пчелы морские жужжат.
Жатва Бога — шторм.
В каждой волне
в пенной чалме
усердный перс —
подставляет шею под серп
мечети — ночи.
Море молящихся мусульман,

неистовых в вере.
как море в буре.

Если ПЧЕЛА
у левого ПЛЕЧА
в ПЛАЧЕ волн
ПЕЧАЛЬ

Пчелы морские
чрева мирские
медом горько-соленым заполняют до дна.
Луна —
ревнивый садовник
в пору цветения волн
с досадой глядит на пчел,
ныряющих в пене
пестиков и лепестков
неспокойных синих цветов.

Пчелиный корабль
из морского воска
кружится роем
жужжання и плеска.
Парусный улей,

полный пенного меда,
манит из мертвых глубин морского медведя.
Но пока он тянул язык-волну,
корабль килем вильнул
и завернул
за луну.

Где злым, тяжелым, невзрачным
на скалах приходит срок,
легко пролетает прозрачный
корабль — лба рок.

Маятник По Э

Мяч

Руки вибрируют, образуя арк и свод.
Первая Мария видит вторую в зеркале рук:
рот и брови в раме — кармин и мрак.
Мария три и четыре —
прозрачные створки ворот.
Пятая Мария — купол и крест.
Шестая, смеясь, роняет с небес МЯЧ.
Мяч скачет назад — вперед,
ванна Марата «Авророй» прошла Неву
первый красный Корде-балет —
ада-да-адажио черных дул.
Па-де-труа — рикошет от стен:
Токарев — Макаров — Кармен.
Мяч скачет вперед — назад —
па-де-де Калашников и Арманд.
Синие мигалки кромсают мрак —
то уа-у-акушерки Перовской опять теракт.
Мяч скачет, теряя вес..
Мария седьмая его поймает,
склонясь с небес,
рукавом оботрет грязь, кровь, крик
и вернется внутрь рая, двери прикрыв.

* * *

Молнии — нервные волокна неба
Небо нервничает в грозу

Нить Ариадны

тебе — меня плеНИТЬ
раНИТЬ

мне — тебя замаНИТЬ
одурмаНИТЬ

в лабиринте НИТЬ
НИТЬ

НИТЬ

чтобы нас соедиНИТЬ

оборвется НИТЬ

некого виНИТЬ

ничего не измеНИТЬ

только в памяти храНИТЬ
помНИТЬ

НИТЬ

НИТЬ

НИТЬ

помиловать нельзя казНИТЬ

Не воспоминания

1.

Застряла в чужих отраженьях
бегу на месте
нахмурилась —
бровей движенье
опережает шаги
найден минимум различий
между мной и всеми
разве что у меня две тени

Отражение останавливает объекты
— сопротивляйся! —
однообразный ритм
миг умножается на 100
когда в общей памяти
каждый бережет свой уголок

В конвертах земной изменчивости
спряталось пристрастное время
только что пришли письма предчувствий
а меня уже тянет в прошлое
белый каменный куб воспоминаний

2.

Они вчера стерли со стен адские письма

Никто не коснулся спины

Осмелели

Так явно вылетел этот поезд

волоча усталые рельсы

Не оглянулись

не увидели

что у стен чужие глаза

Нет еще стального машиниста

но брат его — чугунный кочегар — есть

широкие руки и лопата

гребущая угольный ветер

молнии мрачные из-под колес

тьмой прозревает глаз

и все люди округи —

разнолицые братья дороги

Новогодняя любовь

Новый год рождается снегом в снег
Падает
Повитухи — полярные лисы
свивают метели — его пеленать
но он идет
Воют няньки — пурга и выюга
рычит дядька — белый медведь
снежные барсы охраны
крадутся след в след
но он вырастает раньше
чем успеваает оставить след
Подруга зима ждет, жжет белизной
зноен пасмурный взор
кожу живит озноб
каждая мышца горит
жаждой любовных игр
Она не боится царапин страсти
кожу щекочут коньков резцы
Он из безмолвия пробуждается
поднимает ресницы
Еще неуклюж, но уже влюблен —
айсберг, разбуженный кораблем

На крыше

Сиреневые нити по черному бегут
это молнии в небе ночном
а следом грома тяжелый гул
древний грозный канон

Город вздыхает шипит гудит
словно расстроенный орган
пьяный органист еле сидит
и все сбивается на канкан

Маленький ангел — легкий мыльный пузырь
по крышам среди антенн скитаясь
зацепился крылом за острый шпиль
расплакался и
растаял

Ожидание

Весь вечер летаешь по комнате
Видно, пол сегодня тяжел
вот и летает бумажный змей
с нарисованными глазами
и завязали память узелком
Ты дергаешься между полом и потолком
мечешься: стена — стена — окно
А за окном полупогасшие дома
разложены костяшками домино
Ты открываешь раму книгой гаданья
читаешь по трещинам дождя —
ничего кроме ожиданья
там прочитывать нельзя
Снова бумажный шелест полета
мимо зеркала, книг, дверей, окон
Молчит телефонный кокон
нерожденной бабочкой спит звонок
стена — стена
пол — потолок
стена — стена
пол — потолок...

Оркаина

Зедсь дуб и вчеер развогор ветуд,
и вченый греншик дамует о лушчем
и до урта об уцилах оурщих
он завывбаает. В свой нончой мршрут
выдхоит мсеяц и тохинько севтит.
Зедсь край зелми, пкоой и бладогать,
и хточеся всю жинзь совю оттадь,
лишь так бы осваталось все на севте.

Дшуа путсь пелерьется в тхий мсеяц,
путсь тлео холедует у кронеи,
путсь джае на кокай-то из втевей
терепь его нунежное посесят.
А у смаой дшуи займёстя удх,
кодга она, повишшая в протсоре,
посмортит винз и вдург удивит мрое,
токае шестелящее на сулх.

Одежда

Одежда обожает быть
блаженно сброшенной днем
Падая
спадая
сползая слетая
сваливаясь
стягиваясь
и непринужденно
прозрачной ногой через спинку стула
фривольно на полу
философично в кресле
отдыхая наблюдая
А потом
возвращая себе объем
остужая кожу трезвым холодком подкладки
смеется зрчками пуговиц в орбитах петель
прячет тайны в карманах
наша объемная тень
наш социальный панцирь — одежда
обожает быть
блаженно сброшенной днем.

Охота

О-хо-та!
Хо-хо — та,
что пуще неволи.
На волю пущенная,
стрелой
выбила «эль» из цели.
Где стоял О Л Е Н Ъ
О С Е Н Ъ настала
Я С Е Н Ъ ты стал
заменив собой «О» —
дерево-зверь
где олень затерялся рогами
пленник поляны
ему неволя пуще охоты
которая с грохотом
 хохотом
 гоготом
гонит оленя другого
трубя в рог:
«О-го-го-го!»

Осенний анагриф

НЕВИННОСТЬ

свет свит в неон
винт осени неистов
виснет свитень
в тени осин
он весь во сне
сон носит сотни ос
они — тон «си»
и ноте «стон» висеть
в сонате сна
стена
все вести вас о нас
вино
и стан Таис —
Оставь! —
НАИВНОСТЬ

О = зеро

Улитка вне... чего? Улитка вне себя?

Едва ли

когда бы свой каркас собою вы назвали.

Улитка вне... Вне черепа,

как любопытный мозг,

ловя лучи в себя насквозь.

Улитка вне небес?

Как небо вне воды,

как музыка — везде,

а нотный стан ей старт.

Ночной озерный лак роялен,

Реален плеск и шелест в нем,

но днем

иные ноты:

до ос, и т-ре-ск стрекоз,

и водяных жуков лихое ралли

на отраженьях облаков.

Улитка — ключ,

которым заперт мир внутри спирали,

улитка вне времен,

улитка — воин,

рогатый страж бездонного ноля.

Острова

Острова — отражения облаков в море

Облака — проекция островов в небо

Гонит ветер острова по свету

Гренландия осыпается снегом над Цейлоном

Мадагаскар проливается дождем орхидей

над Фарерскими островами

Ответ

не трать слова на дверные ручки
не я увела чей голос
он сам ушел где не тесно
тигранты тигранты
вот живете в полосатых телах
вы бедные звери
дешевые ваши шубы
торгуй — не торгуй
хвосты когти зубы
рык писк хрип слезы
стихи в конечном итоге
и обезьяна
ваши губы больно лепечут
ваши веки пусто мигают
ваши спины будто несут кирпичи
не сложить из них дом
ни здесь ни там
ищи виноватых
конечно мыши
каждый день смотришь с моста
но не видишь неба
только улыбку русалки сквозь воду

Обвал

Если обрыв не обрывается,
он не обрыв.
Радость его — обрываться,
на оползневых полозьях скользить.
Лепит статуи из глины обвал,
влажный глинный язык слизывает дома,
муравьиные люди в домах оглушенных
станут глиной сушеной.
Не растите, плоды,
растлевайте себя до рожденья,
торопите гниенье
на теле обрыва.
Это глинное море,
липкая сила —
веселье могилы.
Обреченный скитаться
среди глиняных статуй,
питаться
подаяньем бессмертья —
изнанки страха,
кто может без смеха смотреть
на смерть!

Пение

Опасен песен поток
оглушит унесет утащит
за звуковой щит
растянет течением
распластает плесом
скрутит в волну
в глубину бросит хохотом —
там
электрические скаты
током бьют в ноты
кораллы — живые камни
в горло растут шипами
тут ты
не сорвешь цветы
актиний нити дыхание обожгут
жгут тишины обовьет горло
Звуком стальной струны
голос вперед рвани
разорви волну
вынырни — ну
а теперь — пой!

ПалидРОдословная

— Дед,
от кого кто?

— От Ады Дато,
Исав-то от Васи.
Ян от Исава, Авас и Тоня.
От Ани Дина-то,
я да Надя...
...я или Цецилия?

— Но Римме кем Мирон?
А Мила-то от Алима?

— От Милы был им-то
Тит.

— От Толи — Фил, Отто,
Анна, Сусанна,
я и Лилия.

— От Акима Мика-то,
а Рут, Рая — Артура

и Мими.

— А Диме кем Ида?

— Юра, Васса — Варю...
Яну — Дуня
и Гоги.

— От Кузи Лизу кто?

— А раз Зара
от Изи,
то вот —
Азиза.

— От Қаси не Денис, а кто?
— Натан!

— А баба
и
дед
уродили Дору!

* * *

Пока оплывает ленивой свечой день
созревает дом виноградный
Горстью зерен граната
на отдаленной ветке
чужая спелая спит любовь
Пока барабан выбивает пыль из голов
во тьме малиновых губ
хищным созвездьем влажнеют зубы
Всех изводит дырчатый звук
продолговатой песни
«Почему в твоём винограднике спит чужой?»
Как от огня заслониться
Если ладонь прозрачна
если сама она — свет
оставленной камню свечи
Губы комкают воздух
а ресницы
протянули в костер обугленные лучи
Если ты онемеешь
нет сговорчивей твоих глаз
Мой язык еще молчаливей чем твой
между нами вьется певучий стон
«Почему в твоём винограднике спит чужой?»

А когда станет ночь обгоревшей лозой
придорожный камень поклонится на восток
вздохом последним смутит ночные сады
оборвавшейся звезды
переспелый плод
И дыханье свое продлив за холмом
ночь свернется в пушистый ком —
смех
согретый утренней хрипотой
«Почему в твоём винограднике спит чужой?»

Песня песка

Пастухи пустыни в песке тонут
головы каменные остроконечные
раскаленные ночью стынут
стерегут гигабайты
убегающей пустыни

Скорпионы скараabei змеи
сторожат колодцы
катятся колодцы
на колесах жажды
опережая пески

Пес песка проворнее пастуха
абрис его — бег
профиль его — свист
он никогда не спит

Не укроешься от пса Анубиса
в Низких Землях
мордой зверя
залив вгрызается в берег

Не преграда страху
гор грохот
вылетит сокол Гор на охоту
скорчится в готике собора

Близнецы-кариатиды Жатва и Жертва
срежут колосья голоса
сожгут на алтаре моста
где под платьем реки
млеет тело песка

Но незыблемы пребудут пастухи пустыни
Знай:
древнее царство чужой любви
под языком у сфинкса

* * *

«Я летет Коктебеля»
Неточный палиндром

Пляжи плещут подолами платьев
белых, голубых
Берегом убегают наяды на ногах невидимых
Резкой лаской обезоружен
мокрые юбки рваных кружев
ветер вскинет!
Известны сердец кражей
девы морские

Падая вниз с водяных конструкций
море не страшно о камни разбиться
мощным торсом тритона —
держат играючи синие бицепсы
жидких кристаллов тонны

В кратерах древних не укрощенных
денно и ночью кипит вращенье
мускульных волн-машин
Море — мужчина для женщин
Море — женщина для мужчин

Не переманят райские пляжи
тех кто протягивал лунную пряжу
сквозь золотые ворота
не испугают молнии пляски —
марш грозового рока

Только в объятых поймешь необъятное!
Море в себя влюбив
профиль мага поэта пирата
взрезал собой залив

А набегающие волны-львы
склоняют лохматые головы

Пол-день

У-ли-ли-

ца-ца

топота тупо такт

холода ледоход

ход-или в обход

облаком облекло

облако извлекло

ли-ли-ли-лиру

в ру-ру-ру-ки-беру

стру-ру-ру-ру-

ны-ны

пели ли-ли-ли-ли

пели ли?

или шептали ли?

шли ли пешком — pesh.com

Дрель драл дорогу

дрожь дол-бил

Dolby бахал бухал

бухал бу-бу-бу-гай

бу-буден день динь дилинь

Трамвай прорезал улицу

и улизнул tish.com

Платье

Надену платье зимних пчел
любимого цвета снежных туч
восковую дверью себя открою
пчелы шевелят тишину
собирают в шестиугольные соты
шестиконечные снежинки
платье мною летит над полом
подолом пляшет плещет рукавами
пчелы обнявшись плывут полонезом
змеится крыльев узор слюдяной
кусачим кружевом по воротнику
Пчелы сцепились кольчугой
соты звенят медью
мед закипает в сотах
платье плавится воском
дайте ключи от улья!
полночь ударила в двери
распласталось по полу платье
горький холодный мед ландыша
талый мед подснежника
шершень перстнем вцепился палец
жужжит черное золото

Птицы Канта

*У Иммануила Канта был
маленький сад, и каждую
весну он с волнением ждал
прилета птиц. А если птицы
задерживались, он говорил:
«Видимо, за Апеннинами еще
холодно».*

Когда позвонки в спине
отзываются звону капли
значит приходит время
ждать птиц из-за Апеннин

Каждая птица в клюве несет гнездо
а в сердце компас который надо
непрерывно вложить в птенца
иначе ни один корабль
ни за что не найдет причал
и любой самолет влетит
в не тот коридор
и каждый поезд войдя в туннель
въедет на станцию Дно

Конечно твой мощный ум
может вычесть ничто из всего
и все умножив на ноль
получить золотое число
но если в извилах мозга
нет очертаний летящей стаи
то птица тебе —
непереходный глагол «летать»

И если строгим карандашом
ошибку перечеркнуть
останется сад ожиданий
где небо летает птиц

Правильнее сказать...

Алюминиевые линии лайнера легки
Всколыхнул самолет взлетную полосу
взял высоту с разлёта лег на облака
Однажды над Пиренеями я увидела ангела на
крыле
Правильнее сказать, поняла — на крыле ангел
Правильнее сказать, узнала ангела
Неправда, что ангелы бесплотны
их плоть — энергия, сгусток ветра
если бы ветер дул внутри тебя
Снаружи ангел был невесом
а изнутри тяжелее луны
это был маленький ангел
«Турбулентность», — сказала стюардесса
перепуганному пассажиру
через проход от меня
Я обернулась
и в глазах его увидела улетающего ангела
Ангел улыбался
Правильнее сказать, улыбка улетала ангелом
или ангел улетал улыбкой
молниевый шар молча смеялся
Правильнее сказать, все так и было
но я ничего этого не помню

пREDзимье

наCOLDовала осень холод
и птицы гнезд не view'т
а смотрят в небо
пуSKY летит за KRY небес
печаль надSADным криком
От WAS GLASS'ов
стекло воды живое
растрескалось в заLIVE
На черном oBLACK'е
заката BURN'ого ожог
Уже ночной пляSUN SET'ями ловит звезды
стареющего GOD'а
и LIPнет красный лист к губам

Происшествие

В каналы брошенные башни
на части рвутся
морщат окна
куда упала с парапета
та
что смотрела в эти окна
на мокром камне поскользнулась
когда задумалась о жутком
и пожалела что сломалась.
На каблука тупую острость
упала солнечная сырость
реаниматор праздный молвил:
«Здесь капельницы не помогут —
она обманывала много».
И увеличил жизни скорбность
златой улиткою валторны.

Просьба

Если мольба не молотба словесная,
если просьба не просо,
просыпанное впопыхах,
слово разломится в середине на два крыла
и взлетит выше неба,
не запутавшись в облаках.

Выше спутников и космической станции,
где спиральная галактика
прикрывает ворота в рай,
слово найдет в заборе ангельскую лазейку
и окунет раскаленные крылья
в реку воды живой.

И поднимут его ладони светлее света,
тихим смехом
окутает голос, недоступный земному слуху,
и если в середине слова пульсирует сердце,
то все исполнится по этому слову.

А слово вернется на землю птицей-вестницей,
крылья радужные сложив,
ведь каждая птица
ангелам немного родственница,
и не важно, кто она: лебедь, удод или чиж.

Прыжок

Тигр крадется слева от взгляда
другой — в середине —
готовится к прыжку вниз
два тигра прыгнули разом
полосы в воздухе решеткой пересеклись

* * *

Персонаж до рождения жил в аду
он выдумался буквами на стене
Фабричные трубы выдули серную деву
анилином губ она дурачит закат
лучше сдавайся сразу
зеленому лезвию зрачка

Годов ход вял

ПУТЕШЕСТВИЕ ТЕНИ

Ты ли у оливы оставила тело
или тело забыло тебя
ветви теней листая
Ты ли стала тень
тень ли тобой упала
Тень ли змеиного жала
тенью боли ожгла твою тень?

Перелилось через край
серебро оливковой рощи
По шпалам теней
ты ушла в тень небес
подземных

Теням не нужно много места —
им никогда не тесно
Теням на земле лежать тяжело —
их сверху давит свет
Тени свободные от тел
взлетают вверх
тени-асТЕНИки
колышутся расТЕНИями
зовут:

— к нам ИДИ
Э В Р И Д И К А
ИВА плача, ДАР печали, ЭРА разлуки

Теневая жизнь
в шахтах, штольнях, штреках, пещерах
шевелилась и шелестела
по своему хоТЕНИю

Сизиф, преодолевая тягоТЕНЬе
толкал тень камня на тень горы

Нарцисс в смяТЕНЬе
искал в зеркале отраженье своей тени

Сафо в короТЕНЬ кой тунике прошла
шелестя сплеТЕНИями стихов

С-ТЕНЬка Разин,
забросив кистЕНЬ за плеТЕНЬ,
пил сбиТЕНЬ, обнимая толсТЕНЬкую тень
засТЕНЬчивой персидской княжны.

Издатель КаТЕНИн хлопотал о приобреТЕНИи
прав на все теневые издания

— Умерьте, баТЕНЬка, свои преТЕНЬзии, —
укоряли его тени русских писателей, —
не в ТЕНЬгах счастье!

Сократ и Платон
отдавали предпочТЕНИЕ беседам
чаСТЕНЬко подливая тень вина в чаши тени

Клеопатра негодовала:
— Никакого почТЕНИЯ к царице,
скукоТЕНЬ тут у вас!

— НевраСТЕНИЯ, —
заметил Гиппократ

— Отойдите, теТЕНЬка, —
проворчал Архимед,
склонившись над чертежами изобреТЕНИЙ

Поликрат привычно бросал перстЕНЬ
в море тени

Вергилий прошел сквозь них
погруженный в чтЕНИЕ Данте

Так и стала тенью
в пору цвеТЕНИя
Эвридикарка

Звери невидимых форм
мягкими лапами удаляли из памяти
морфему Орфея

Фыркнула буква Ф в середине
вырвалась
бабочкой флуоресцентной
перепорхнула свеТЕНЬю в сад
где в сердечном запусТЕНЬе
страдал Орфей

маской фотонной
легла на лицо певца
тьмой глаза омыла
повела в средосТЕНЬе тьмы

Тени на стене вертикальны
нотами на нотном стане
но ту
ноту
как угадать?

Кто не спит —
тем ноты
темноты
 слышны

просТЕНЬкую песню запел Орфей:
— Тихие ТЕНИ,
 пленники ЛЕНИ скорбной,
 кроткие ЛАНИ,
 сборщикам ДАНИ ночной
 ДАНЫ вы во власть.
Песней исходят РАНЫ души
 РАНО ушла Эвридика —
 верните!
Истинно из тени взываю к вам!

Соло говорил лирово голоС

Скрипнула в сердце ночи ада юла
обороТЕНЬ мрака
распахнул два черных крыла

Невредимая Эвридика
из середины вышла

пропела:

— Я и доле милого ли мелодия?

И в ответ Орфей:

— Я пел, сияя, разом озаряя и слепЯ!

Захлопали в чистЕНЬкие ладошки
пузаТЕНЬкие Амуры

Встрепенулся Глюк над партитурой
закончил оперу росчерком пера
раскинул руки пред оркестром утра
и завершил путешествие ТЕНИ
обреТЕНИЕм света

2008

Препинательное

Запоздала весна запятая
будто лета не будет точка
Почему вопросительный знак
А пока совсем не растает
в чьем-то сердце снежная тучка
запятая все будет так
и никак не иначе точка
Не гляди на часы без толку
запятая примолкли птички
многоточие Суматошно
скачут зайцы и воют волки
двоеточие и кавычки
У-у-у у-у-у у-у-у
закрываем кавычки точка
Ну и жизнь восклицательный знак

Приметы

Ласточки низко летают
значит будет пасмурный день

Летучие мыши парят высоко
значит будет темная ночь

Месяц как день пролетел
прав Капица — время сжимается

Вечер тянется бесконечно
значит интернет отрубился

Перстень

Сбежались к ювелиру все кольца:

— Отец, отец!

— Я не планировал столько детей иметь,
чем же я буду вас кормить,
золотые, серебряные?

— Женскими пальцами, —
отвечали кольца.

Звенели кольчугой на коже —
аура дрожи.

Приходили женщины-сборщицы,
сгребали в корзины кольца,
запускали в них пальцы,
искали сердце — колоколец.

На цоколях холода — серебра
статуи золота — тепла
сквозь кольца-колodцы
глядят на солнце.

Месяц — перстень
упал на пол,
в кольцо сомкнулся.
Ювелир проснулся.
Недвижимо, осторожно
выбрался из кольчатой кожи.
По лестнице,
что лепят ночные стрижи,
ушел,
вырезая следы — ножи.

Портрет

Если бы не художники Возрождения,
мы бы и до сих пор думали,
что печень — это луна,
а любовь — стрела в сердце.
Главное в женщине —
туфелька, расшитая жемчугом,
она смягчает жар любовной горячки,
внося в нее закономерности игры в мяч.

Но если опять в раму,
то лучше убейте сразу!

Регресс

Бабочка превратилась в гусеницу
обросла щетиной
множеством ножек
живет, жиреет,
жалуется, что обижают
утверждает даже
что прежде никогда не летала
и жует, жует, жует

ропоТ

Где Питер пасет подворотни
арки акают навстречу
эхом охают за спиной
мемориальные доски брмочут:

- здесь родился
- сюда приходил
- тут рос

Подрос-таки, придумал преступление
и наказанный на всю жизнь
глядит сквозь рогожу мешка
на солнце —

усмешку Рогожина

По всему городу

костры из денег

мечется комиссар Ганя с наганом

да некому лезть в огонь

Дрожат от воя бомб

статуи в мешках и досках

Нет доступа

в каморку Раскольниковова

она опечатана времени сургучом

Какого черта

какого беса

родила с того света сестра Лизавета
Какого Смердякова?
Не ходи по той стороне улицы
она при обстреле опасна особенно
там по воскресеньям гуляет Соня
с младенцем на руках
Дернет прохожего за рукав:
— Подайте денежек
на бедных деточек
прокатите на саночках
Алешеньку, Ванечку,
Грушеньку, Митеньку
ихняя матушка Настасья Филипповна
среди каменных львов своего ищет —
который тут Мышкин?
Ан нету!
Его еще пишет во Флоренции Достоевский
под доской мнимо реальной
— Эй, Рогожин, готовь сани
рванем через Альпы al Italia
снежной пылью накроем Европу!
ропоТ — ропоТ — ропоТ...

Руда

Орды руды гремят внутри терры
Роет норы наружу руда
Через разломы раскопы трещины
карабкается
взрывается вверх фейерверком
громоздит терриконы

Р вно речь растет в красном мраке гортани
Хором ее на гор выгребаем
Сказано было прежде времен:
— Да будет...
— Добудем свободу-руду! — грянем в ответ.

Рифма

В горящий закат
вечерний ракат
выпустил рифмы ракет
Только на западе знаки востока
обретают форму и цвет
Рифма блуждает меж языками
рождая словесный кайф —
в русском рифмуются НОЧЬ и НОЖ
в английском NIGHT and KNIFE

*

День изменяет нам
ночь изменяет вас —
темный глоток измены
из пены
сгорающих облаков

До завтра, дневные птицы
До запада, дети востока
До зарева, протуберанцы
тысяч угасших солнц
Флюоресцируют знаки
складываясь в созвездья
Сонно бормочут планеты
в раковинах орбит

Свидетельство Луны

Луна не каждому сестра

Отвара лунных трав не пей
обугленного страстью рта
не открывай
когда Луна
сочится ртутным молоком

Не каждому Луна вдова
кто в сердце схоронил себя
молчание — Луны бокал
безмолвие — ее вино

Не спрячешь в зеркало лицо
звенят ионы серебра
шпионы лунных вечеров
ведь в каждом зеркале Луна

Не каждому Луна алтарь
для жертвоприношений дней
Они уже давно всегда
нарезаны на диск Луны

а небо — искренний экран
оно — свидетельство Луны

Не всякому Луна верна
кто бродит по ночам во сне

Нет оборотной стороны
ни у Луны
ни у судьбы

Сенсация

В зарослях бузины и шиповника
развалины заброшенного завода
перекошенные ворота, срезанные рельсы
кривые буквы: П ОЕЗД ЗА РЫТ
Сенсация! Весь мир содрогнулся!
Найдено неопровержимое свидетельство
жестокости древней цивилизации —
историки доказали, что в далеком 20-м веке
приговоренных к смерти
в конце календарного года
собирали в один поезд
и закапывали в землю перед главным храмом
Так совершалось жертвоприношение
богу Валу
которое называлось «валовой продукт»
Правда, специалисты по древним языкам
что-то лепечут о стершихся иероглифах
но их никто не слушает
а черные археологи торгуют ржавыми гайками
и утверждают что перед катастрофами
из-под земли раздается стук колес
и скорбное пение

Свеча страха

Свеча боится темноты

Чем больше страх свечи — тем ярче свет
Чем ярче свет — тем жизнь свечи короче
Чем жизнь короче — тем сильнее страх
Чем страх сильней — тем ярче свет свечи
Чем ярче свет — тем жизнь короче
Чем жизнь короче — тем сильнее страх...
... ∞

Склонение королевства
(анагриф)

КОРОЛЕВСТВО

сокол лев стрелок
ствол колос свет
воле вето — скоро крест

от КОРОЛЕВСТВА

ворота ветра
острова рока
тоска срока

КОРОЛЕВСТВУ

тускло утро
укол слову
укор року

КОРОЛЕВСТВОМ

море мелко
место мокро

крестом молот

о КОРОЛЕВСТВЕ

веер скелетов
вереск клевер
ветер веет север

След

На Луне тишь
На Земле шум
Во дворе дом
На окне кот
Под землей крот
Под водой карп
Над рекой мост
На мосту снег
На снегу след

— Кто наследил?
— А кто следил.
— А кто следил?

За Луной луновед
За Землей землевед
За домом домовой
За котом котофил
За кротом кротофоб
За карпом рыболов

За мостом дорога
За дорогой дом

В серебре крыша
Во дворе дворник
Он лопатой —
ширк-ширк
Он метлой —
кыш-кыш

Снега нет
Следа нет
Тишшшшшшшшш
Как на Луне

* * *

С-л-ЕЗАМ откройся,
дверь сокровищ
сердечных,
а ума палату
пусть опечатает сургуч
в окне расплавленного солнца

Сад

Жизнь сложена из лепестков розы
внутри которой развернут сад
где раскрылась всего одна роза
размером в целый сад

Ключ потерян

Слон

Вот придет бог
с головой крокодила
мутную воду Нила
по улицам проведет
Слоем сытного ила же
фасады домов вымажет
хоть намазывай бутерброд

Боги с нечеловечьими головами
выберут себя
в сенат
 совет
 комитет

Ил затянет глаза
и
в оконной раме
тебе привидится не свой портрет —
глинное месиво без души —
даже не вылепишь
для воды кувшин

Бойся уснуть в липкой тиши

криком

криком

криком

ударь в небосклон

небо склонится

и выйдет из верхних глубин

Самый Великий Слон

Вмиг обрушатся пирамиды

от грома грозových ног

упадет и рассыплется

пустым глиняным идолом

крокодилоголовый бог.

Сомнамбула
(мета-сон)

Somnambula

ночница

лунатка

сквозь щели в снах
вылезает на скаты крыш
вечная дебютантка сериала ночи
ибо завтра не ведаешь
что творишь
вчера

К небу липнет луна таблеткой
сонным раствором разбавит речь
Слушай рокот крови
Розгой в занозах звезд прорастешь в аорту
в сердце прозреешь розой

Многовекий глаз

омывается красной солью

кислородных рек

Пленный махаон

вздохами опахал

вспоминает полет

Снаружи твой крик
тебя разбудил внутри

Вздрагнула — испугалась
осыпалась и проснулась

Алым порезом
врос лепесток в ладонь
зеркало
 дернулось лифтом
ушло
вертикально
вдаль

Сор и мир

ссорится — скучно
мириться — еще скучнее
лучше не ссориться
чтобы не мириться
я лично ни с кем не ссорюсь
но сор все равно накапливается
в мире

Стеклориум

Ну и что — стекло
аморфно, изотропно
всего-то осколок от ничего
всего-то расплавленный песок
Стоит ли думать о разбитом стакане?
В нем ничего не было кроме света
ни воды
ни вина
свет всего лишь

Свет можно разбить на отдельные комнаты
разлить по лампам
снова собрать в большом зале

Есть страны
где света слишком много
Его ловят сетями
Замораживают
И продают в другие страны —
где света мало
или меняют на темноту
Из крымской ночи
делают вино «Черный доктор»

им лечат сияние крови

Темнота деликатна
Вы когда-нибудь видели чтобы
в освещенный коридор из темных комнат
вылезали куски темноты?
Тьма интимна
Свет бесцеремонный
Он пролезет в спальню
через невидимую щель в шторах
пересчитает осколки
обследует одежду
исчезнувшую в темноте
Глаза — шпионы света
Они из-под закрытых век сигналы шлют
пока мы спим

Свет — пастырь и пастух
всех Солнц во всей Вселенной
а сердце в темноте живет
ему о свете весть приносит кровь
вот потому закат багровый
и завтра ветер

Собачий холод

поGODы бог...

DOG dam it!

Театрофон

Театр телефона — театрофон
номер — билет в горловой партер
в раковину уха уложен слух
дыхание — тень,
но в тени больше смысла, чем дыхания
В раковинах телефонов голоса-актеры
играют нас
каждый дышит свою пьесу в душу
телефон — фен фей
веет в сердце теплом или холодом
и умирает в нем голосом

аплодисменты

Танго Носорога

Господин И
(прозвище Носорог)
прочесывает рощи тел
трогает тростью
упавшие листья
переворачивает ладонями вверх

Госпожа Ю
помнит летние танцы
от эпохи Тан до танго
— а танец током бьет тела
лишь тактом танго...

Госпожа Ю
ускоряет веером время
когда господин Носорог И
встает на тропу любви
топорами шагов прорубает дорогу
Вечер, взрезанный рогом,
лунной раной болит

Госпожа Ю
ожиданием напрягает стремя
белой ласточкой взлетает в седло

конь ее грации гарцует по комнате
лисица любовных хитростей
притворяется-спит

— пещеры сердца прикрывает красный бархат
ложбины тела выстилают теплый шелк...

Носорог И

штурмом берет порог
лестничный марш конницей цокает за спиной
он готовится рогом таранить дверь
но

армия крови обезоружена тишиной
связана смехом

скована танцем рук

пальцами читающими по губам

В клетке лета птицы высвистывают И — Ю

«Нь» ключиком роняя в траву

Бабочки, сгорая, рассыпают цветной прах

— совсем напрасно бить тараном в двери рая
ворота рая растворяются в сердцах...

Любовь и рок

Любовь — игрок

Темная сторона музыки

— Нет.

— Да.

— Да нет...

— Нет да!

Собаки сторожат пустые рамы ночи
Мы никогда уйдем, мы ни за что вернемся
Ленивый лай летит над фосфором следов

— День или ночь?

— Не знаю. День, наверно.

Блестит глазами день, целует звонко в губы

*— А ночь очами смотрит
и поцелуй из уст в уста передает*

Из залежей любви мы добываем пламя
из дегтя — мед
из горечи — миндаль
цветник депрессии серпом мы срежем
а розы бросим в озеро —
пускай утонут в небе

— День или ночь?

– Пожалуй, ночь

*Ночь пламенем зрачка дрожит в свече
она телесна плотной тишиной
она пророчица дневных обманов
и закрывает двери в зеркалах*

*– Но день – коллаж из лиц и голосов
мозаика из света и движений
он настигает тело под одеждой
и, разбивая, множит зеркала*

Мы наблюдаем сердце через кожу
предсердие преддверие предвестье
предчувствие

В рисунке вен – деревья сквозь туман

Испуг аорты

Диафрагмы всплеск

– День или ночь?

А, впрочем, все равно.

День – золотые окна ночи

Ночь – бархатный футляр для флейты дня

Трамвай

Позднелетний ленивый дождь
мается в городе целый день
Нас подобрал случайный трамвай
— Дзинь-дзень!
Скоро-скоро-скоро
рельсы влетят в закат
город сменит серое покрывало
на красный
 дымный
 пышный
 вечерний наряд

Смуглые ловкие сумерки
плетут дождевые сети
темные липкие руки
тянутся из-за стен
Но —
нас спасает знакомый трамвай
— Дзинь-дзен!
Он развесит по стенам по веткам
желтый квадратный свет
город сменит вечерний наряд
на темно-темно-интимно-синий плед

Наши влажные тени
ежатся на газоне
скоро-скоро пожухнет
казенный зеленый плюш
город сменит летнее платье
на мокрый
желтый
яркий
блестящий
журчащий
прозрачный
бегущий плащ

Ночь обещает дождь
Дождь похищает нас
Ян поглощает Инь
Но
— Дзен-дзинь! —
из темноты на помощь несется
в нас влюбленный трамвай

Туман

Утренний череп залива
глазницами донными движет
пухнет зонтом водяным на серебряных спицах
На каменных лыжах спускается соли напиток
лыжница в платье из ломкого газа
задраенные глазницы

Уселись, разделенные столом
из цельного куска света
каждый другому — зеркальная карта
невидимой гранью спектра игральной кости
повернут хозяин к госте

Гостя его вся из овала и влаги
и тело ее влачится по скалам лавиной
перепиленный солнечный кубок
летает Сатурном в расплющенной шляпе
еще не разъятый

Там смутного гейзера лопнувший конус
растекается размагниченный компас
расходятся губы в прощальное у-у-у-у-у-у
поцелуя гудка парохода

Ум за

За глазом — светум види-ум

За ухом — слухум музык-ум

За ртом — язык-ум говорум

За носом — ноздр-ум нюхум

За груди-ум работа вдоха

За спин-ум — тяжести сумы

Желудк-ум и кишк-ум

из пици вынут ум

За мозгом — наш всеум

За сердцем — всех безум

Ультра – инфра

Напрасно раздирает ветер
смирительные паруса
Торчат на переВолненных линейках
скрипичными ключами корабли –
заманивает их на рифы Рихард
хард-оперу творя

Хор опрокинут в оркестровый ров
и нотный ряд зрачков еще живых
уже отравлен рыбьим постоянством

Улыбками смертельной партитуры
взлетают вертикальные дельфины
и внутренние скрипки распевают
их ультразвуковые всхлипы

Рукастой дивой всходит осьминог
на подиум взнесен девятым валом
контральто
уходящим в инфра-сферу
где Вагнер бредит бурями богов
играющих на будущих тромбонах

Урок

Вот урок терпенья, расстоянья
тонкое жестокое ученье
Чем платить за урок ожидания?
Учащенным сердцебиеньем
Будет шумное застольное веселье
И нечаянное странное молчанье
шум и крик и разной музыки круженье
непредвиденное глаз соединенье
и в глазах до полусмерти блужданье
Просто кроме разговора словами
есть еще разговор не словами
Чем платить за урок прикосновенья?
Разве только перебоем дыханья
Округлился потолок в чашке чайной
новый диск летает вхолостую
в нежном ускорении прощанья
дарятся монетки поцелуев —
дружеский, заботливый, пугливый
мимо губ о край вечерней чаши
плата за один неторопливый
золотой кусающий жужжащий

Фонтан в тумане

К фонтану Аполлинера

В молочном молчании
глотаю шум
незримый город
без стен
без теней
океанариум окон
ленивые лампы рыб
шевелиются вуалехвостые
белое платье сада
исчерчено небрежными штрихами
невеста заблудилась
фонтан фантом
невидимые струи
бормочут аполлинервно

Фантом
памятник слову «памятник»
(анагриф)

Я
МАЯК
МАНТИЯ
времени
МЯКИНА
довольства
МАНИЯ
величия
МАЯТНИК
истории
КАМНИ
протеста
ТАНКИ
власти
ЯМА
ПАМЯТИ
ПАМЯТНИК

Фото

(фотографу известнику Виктору Ахломову)

1.

Повинуясь пальцу
разошлась — сжалась розетка
жук звука метнулся
стянулся свет с лица маской
растекся чернью на серебре
Теперь я — негритянка седая
в темном окне
живу здесь
где всего тридцать шесть
окон
и всегда ночь
Но видно меня насквозь
и сквозь меня видно
Бумажные зеркала купает ванна
хранит тайна темную комнату
Только красный фонарь в нее проник:
у любой белой женщины
есть черный двойник.

2.

ФОТО —
ЛОТО света
бросок ЛОТА в глубину взгляда
тайная ЛОЖА адептов линзы
резче НОЖА взгляд
Камера — НОРА
ВОРА лиц,
что твоя ВЕРА?

— Блиц!

Формула жизни

Весь мир — О Е А О У Е И —

ОкЕАн ОщУщЕнИй

В нем есть один залив — У О —

чУвство

В нем лишь одна волна — Ю О -

лЮбОвь

Но волна — это капли — капли

Капли разносят течения

И весь океан ощущений

пронизывает — Ю О

Ю О

Ю О

Хит с осой — осостих
(палиндром)

Ад ос. Ода

Себе нет осы в высоте небес,
не видок осы высоко дивен —
в осе были силы бесов.

Нет осам ума сотен,
у тел сил и взяв, язвили с лету.

Солистка — факт сил ос —

жуж-

ж-ж-ж-

ала,

жалила ж!

— Да где осоед гад?

Леди, вон осоед, где ос он — о! — видел,
согнал фланг ос.

Как ясли в аду делал еду, давился как:

«Я ел, аж жалея,

сор и жир ос».

Ци-и-и-ирк!

Арена корчится квадратом
прыжок бежит за акробатом
прожектор шарит по карманам
атлет прикинулся аббатом
а два в одном сиамских брата —
туды-сюды аккордеон

Ведро луны выносит клоун,
гимнаст ныряет — мимо! —
помер
И укатился колесом

Кобыла в розовых калошах,
скачет
на ней собака — важный Ротшильд —
стоит
на ней горилла с геликоном
пляшет
а выше — кролик в галифе
поет
он гимны стран народов мира
на чистом финском языке
И на подпевках подвывают

гиены Маша и Максим
А кенгуру Егор и Лера
всех кувыркают в пионеры
за 10 баксов и банан.

В порыве буйного веселья
взлетев под купол на качелях
слон держит хоботом фонарик
и светит в разные места
пока роскошная пантера Катерина
танцует танго, выгибая круто спину
еще хвостом притом стучит по барабану
и очень нежно держит ежика в зубах

Старейший клоун дядя Петя
въезжает к нам на самокате
и на шнуре от занавески
выводит пожилого льва
Он зверю долго щеткой чистит зубы
и в рот сует ему немытую башку
Лев аж присел от напряженья
чтоб неожиданным движеньем
случайно челюсти не сжать
Кому охота без работы
остаться в возрасте таком?

Факир влетает, улыбаясь
за ним мышей летучих стая
он их поймал своим цилиндром
он их сварил в своем цилиндре
и получился суп харчо
Один из публики попробовал
и говорит: «Хочу еще!»
А фокусник раздвинул веер,
сказал «цвей-дрей» и всех развеял
Слегка подумал и исчез

А мы все оказались здесь

Цветочные врата

(памяти Андрея Вознесенского)*

Роза, трилистник, чертополох —
дальний, глубокий, таинственный вздох.

Роза, чертополох, трилистник —
знаки цветочной мистики.

Чертополох, трилистник, роза —
напоминание, а не угроза.

**В Москве в Вознесенском переулке
на воротах храма Св. Андрея
помещены геральдические символы
Англии, Шотландии и Ирландии —
роза, чертополох и трилистник.*

Чаепитие в саду

ЧрезвыЧАЙное происшествие,
удивительный слуЧАЙ —
встреЧАЙтесь в саду!

ЧАЙная роза, каЧАЯ лепестками,
приглашет:
— ОбуЧАЮ ЧАЙной церемонии!
ВенЧАЕМ красоту и аромат.
РуЧАЮсь за качество, не скуЧАЙте!

Уже не ЧАЕМ попробовать, но...
не хватает ЧАЙшек!
— Лилия, выруЧАЙ!

Вот так неЧАЯнный купаж
высоЧАЙшего качества:
роза и лилия — лилиерозовый ЧАЙ.
Не часто такое приклюЧАется,
отЧАЯнно вкусно!

Небо нам — синий чайник,
чайки — белые чайники.

Четыре времени дня

рыбачьим баркасом плещет в тумане УТРО
мощным лайнером ДЕНЬ рассекает даль
ВЕЧЕР корвет в закате горит парусами
в ялике лунном качается НОЧЬ колени обняв

Чудо

Чудо — удар в дно души
дурман добычи удачи
прочерк в причинной связи вещей
нестандартная шестеренка в машине счастья

Блаженно его ожиданье
безжалостна его неожиданность
ужасна его однаждность

Беспомощен творец перед роботом
беззащитен ловец перед дичью
человек перед чудом исчезает совсем
...чудо!

Шепот фонтана

Журчальницы водяницы
девы фонтанницы
капельные шептальницы
мерцающие ускользящие
волосы распустили
волнами влекут
плещутся плачем
растекаются лаской
раскрывают себя в рыданиях
кинь камешек — разбегутся круги
О-О-О-О-О-О-О-О-О-О
загляни в небо на дно
глазами утонешь
лучше любуйся плеском издалека
поманит из фонтана рука
пальчиком погрозит
улетит женским абрисом
испарится туманом в облако
и вдруг — дождем на тебя нападет
Осторожно иди
когда дождь идет!

Школа ласки

Бархат и шелк обучены обнимать —
есть сеть специальных школ.
Многие там учились,
но отчислены:
мрамор могильно холоден был;
ветер не умел сдерживать страсть —
он и сейчас пиратствует в подворотнях,
задирая-раздувая подола-рукава;
одеяло оказалось неуклюжим —
его приходилось подтыкать под бока;
простушки простыни к телу льнули,
но ложились неумелыми складками;
золото и серебро любили себя;
ожерелья распаялись телесным теплом.
Только тонкие-тонкие цепочки
так умели лечь на шею,
что по коже бежали нежные мурашки.
Ивы научились обнимать шелестом,
шторы — тишиной,
но диплом золотой получило только небо —
оно всей силой синевы
держит в объятьях землю день и ночь.

Шуба

Из мертвых животных одежда
отяжеляет спину
тянет в темную нору
зализывать последнюю рану
Лифтовый ужас
лестничная боязнь
забирается в позвоночник
растягивает вкось
уголки глаз
из-за спины
через сны
просачивается в плоть
Прежде нежели стал меж
в мир иной
ушел зверь живой
В нем нет зла
но заметна дрожь
когда мех
чувствует на спине снег
но
отряхнуться
не может

Щебет

лепестки книги весенней перелистай
городские чаши увенчай черемухой
чаши вечера наполни птичьим щебетом
молочным молчанием
вишни-яблони белизну лизни

книга сирени сокровенна
кто осмелился кистью сирени
небо в закат окрасить
север занавесить
зелень лестницы древесной
вниз — ввысь развернуть
золотыми глазами глядит земля
сквозь страницы газонов

под каштановым шорохом прошепчи
что не решался раньше
свечи цветочные шелестят бабочками ночными
листают не спеша страницы встречи
не думай, но обнимай
мой май — рай

Ѣ (стал еще тверже)

Ы — по-прежнему знак умножения.
(см. стихотворение «Азбука»)

Ь (мягкий по-прежнему)

Эхо революции

В учебниках истории
революции пишутся с большой буквы,
называются великими...
Великая революция —
все равно что великая чума
или великий СПИД
психическая эпидемия...
Вдруг толпы людей начинают орать
и все крушить,
студенты и школьники заявляют,
что не надо учиться, они и так знают всё,
теперь они не троечники, а комиссары —
без пяти минут министры
революционного правительства...
И хотя мы постоянно твердим
про уроки истории,
впрок они нам не идут.
ведь люди гораздо больше боятся
революции в искусстве,
чем в жизни.

Ю

Солнце пью
через букву Ю
через палочку и кружок
через перекладину
рот напряжен
он — ожог
он — О
А я солнце пью
через соломинку луча
буква солнечного ключа
в моих пальцах
в моих кольцах —
обручальное солнце
Пройди через солнце ко мне
я пройду через солнце к тебе
Ты — колокол крови моей и твоей —
бей, бей, бей!

Юла цвета

Синяя бутылка
Красный кувшин
Зеленый стакан

Глоток синего света
Глоток красного света
Глоток зеленого света

Синий голос
Красный смех
Зеленый крик

**ДЫХАНИЕ
ПРОЗРАЧНО**

Юнга
(marina)

Корабли качают носами
но сами ни с места
Из мести их будто когтем железа
врезали в дно
Днем чайки кричат
чад из камбуза
За обедом капитан
танго слушает и пьет вино
Новости одни и те же —
жертвы времени
Именины боцмана —
бочка вина матросам
а сам уже пьян
Я на корабле юнга
Юга жаркое солнце
целует мне лоб
Обморок

Язычные сады

Сад итальянского языка подобен райскому
каждое дерево мужчина — Адам
каждый плод женщина — Ева
melagrano — гранат, melagrana — граната
pego — груш, pega — груша
amareno — вишень, amarena — вишня
mandorlo — миндаль, mandorla — миндалина
melo — яблонь, mela — яблока

В садах русского языка
от мужчин происходят мужчины
от женщин женщины
гранат — гранат
груша — груша
вишня — вишня
миндаль — миндаль
только от яблони —
некто среднего рода — яблоко
Впрочем немецкий мужской Apfelbaum
произвел себе подобный Apfel
В англоязычных садах все — it
итога — полная бесполость

Я и ты
(палиндром)

Я и ты — бог, эго бытия.
Я и ты — Бах эха бытия.
Я и ты — бутон нот у бытия.
Я и ты — балет тела бытия.

Я и ты — бури миру бытия,
я и ты — бич у тучи бытия,
я и ты — беда в аде бытия,
я и ты — бензин из небытия.

Я и ты были силы бытия.
Я и ты были жилы бытия.
Я и ты — база, фаза бытия.
Я и ты будем мед у бытия.

ДООС
Добровольное общество охраны стрекоз
1984 – 2014

Основатели:

Стихозавр Константин Кедров-Челищев
и libellula Елена Кацюба.

Вольное общество поэтов дополнили
Стрекозавры Андрей Вознесенский,
Генрих Сапгир, Сербозавр Милорад Павич

Пришли звезды андеграунда:

Заузавр Сергей Бирюков,
Огнезавр Герман Виноградов,
Лингвозавр Вилли Мельников,
СтрекозАль Маргарита Аль,
Саксозавр Сергей Летов,
СтрекИзида Анна Альчук,
Звукозавр Лоренц Блинов,
Лайнзавр Владимир Опара,
Палиндрозавр Александр Бубнов,
Новая Доосская Алена Мартынова,
Найкозавр Найк Борзов,
Оса ДООСа Кира Сапгир,
Art-стрекоза Нина Зарецкая,

Дудозавр Игорь Дудинский,
Зиоса Света Литвак,
Веразавр Вера Сажина.

Членами ДООСа также стали:

Линзазавр Виктор Ахломов,
Валерия Нарбикова,
Доосозавр Вадим Рабинович,
Кириллозавр Ковальджи,
Борис Рахманин,
Текстозавр Александр Люсый,
Днепрозавр Александр Чернов,
Боллозавр Александр Ткаченко,
Стреказелла Галина Мальцева,
Светозавр Андрей Врადий,
Рок-стрекоза Ольга Адрова,
Дева нот Алла Кессельман
Графикозавр Кристина Зейтунян-Белоус,
Прозостихозавр Анатолий Кудрявицкий,
Стреказанка Лидия Григорьева,
Стрекозабочка Леся Тышковская,
Книгозавр Виктор Корольков,
Никозавр Николай Еремин,
Крымозавр Андрей Коровин,
Кистезавр Андрей Бондаренко,

Австрозавр Виктор Клыков,
Теозавр Валентин Никитин,
Братскозавр Владимир Монахов,
Пчела Ганна Шевченко,
Дадазавр Денис Безносос,
Слонозавар Ольга Ильницкая,
Торозавр Алексей Торхов,
Зоммерзавр Татьяна Зоммер,
Украинозавр Игорь Балюк,
Одуванчик Ольга Лебединская.

Титул Друзья ДООСа приняли

Игорь Холин, Алексей Хвостенко,
Марина Герцовская, Эльмар Гусейнов,
Михаил Молочников, Елена Пахомова,
Евгений Степанов, Алина Витухновская,
Ирина Силецкая, Наталия Азарова,
Дмитрий Плахов, Александр Гумённый,
Петр Кобликов.

Автор эмблемы ДООС – Сергей Бордачёв.

Содержание

От автора	7
Абрис мира	13
Аксиома	14
«Аргонавт Орфей ...»	15
Азбука	16
Апокрифическая история	18
Аугур	19
аЗияние	20
Алхимик	22
Августейшее	23
Антология меда	24
Бабочки иного мира	25
Блюз	26
Библиотека	28
Буря Велимира	29
Вагон	30
ВЕТКА	32
Валюта мечты	39
Видение	40
Вариация на восточную тему	42
Влюбленные рыбы	44
Весть	46

Вождь	47
Встреча.....	48
Веер Венеры.....	49
Витрина	50
Внутри	51
Всевидящее око.....	54
Ведьма	55
Вересковый ветер	56
Веретено.....	58
Вдоль горизонта	59
«Воля твоя — убежать из леса...»	60
Время деревьев	62
Вертолет.....	65
Глядящие на пламя	66
Геометрия полета.....	67
Господин Терпение.....	68
Гроза	70
Гороскоп	72
География осени	73
Двери.....	74
Десант	76
Дейнека	77
Дневник ангела	78
Дождень	80
Допотопные.....	81

Дуэт дождей.....	82
Древнеегипетское колесо.....	83
ДЕМОНОГРАФИКА.....	84
Еще одно определение поэзии.....	88
Если.....	89
Есть выбор?	90
Жизнь в лабиринте	92
Забывать.....	94
Заклятие красным	95
ЗНАК.....	96
Заповеди забвенья	100
Зверь музыки	102
Зеркало Евы.....	103
Иероглиф тигра.....	104
Исход.....	105
Игр рай.....	106
Иградация	108
Индийская защита.....	110
Из	112
Играю ноктюрн	113
Инженер воды	114
Имена	116
Июль	117
i.....	118
Йорик	120

Квадрат.....	121
КАМНИ, или ЛЮДИ.....	122
Клоун лун	126
Кандинский синий всадник.....	128
Колыбельная для моря.....	129
Клуб.....	130
Колесо	133
Книга	134
Кроссворд.....	136
Кукла	137
Король лир	138
Сог-корабль	141
Красивые.....	142
Кружево	144
Конь.....	146
Корабль в раме.....	147
Капитан	148
«Когда соревнуются ...».....	150
Картина	151
Лад ладони.....	152
Лестница	153
Лоза.....	156
Льюис Кэрролл, фотограф.....	158
Люди огня.....	161
Лингвистическая математика.....	162

Лезвие	163
Линия	164
Лев	165
Майская ночь	166
Медитация на меди.....	168
Мастер моря.....	171
Мебель жизни	172
Метаморфозы	175
Морские пчелы	176
Мрамор	179
Маятник По Э	180
Мяч	181
«Молнии — нервные волокна неба...».....	182
Нить Ариадны.....	183
Не воспоминания	184
Новогодняя любовь.....	186
На крыше	187
Ожидание	188
Оркаина.....	189
Одежда	190
Охота.....	191
Осенний анагриф	192
О = зеро.....	193
Острова	194
Ответ.....	195

Обвал	196
Пение	197
ПалидРОдословная	198
«Пока оплывает ленивой свечой...»	200
Песня песка.....	202
«Пляжи плещут подолами платьев...»	203
Пол-день	206
Платье	207
Птицы Канта	208
Правильнее сказать...	210
пREDзимье.....	211
Происшествие	212
Просьба.....	213
Прыжок.....	214
«Персонаж до рождения жил в аду...»	215
ПУТЕШЕСТВИЕ ТЕНИ.....	216
Препинательное	222
Приметы.....	223
Перстень	224
Портрет	226
Регресс	227
ропоТ.....	228
Руда	230
Рифма.....	231
Светени	232

Свидетельство Луны	234
Сенсация	236
Свеча страха.....	237
Склонение королевства.....	238
След.....	240
«С-л-ЕЗАМ откройся...».....	242
Сад.....	243
Слон	244
Сомнамбула.....	246
Сор и мир	249
Стеклориум	250
Собачий холод.....	252
Театрофон.....	253
Танго Носорога.....	254
Темная сторона музыки	256
Трамвай	258
Туман	260
Ум за.....	261
Ультра – инфра	262
Урок.....	263
Фонтан в тумане	264
Фантом	265
Фото	266
Формула жизни	268
Хит с осой – осостих.....	269

Ци-и-и-ирк!.....	270
Цветочные ворота	273
Чаепитие в саду	274
Четыре времени дня	275
Чудо.....	276
Шепот фонтана	277
Школа ласки	278
Шуба	279
Щебет.....	280
Ъ Ы Ъ	281
Эхо революции.....	282
Ю.....	283
Юла цвета	284
Юнга	285
Язычные сады.....	286
Я и ты	287
ДООС Добровольное общество охраны стрекоз.....	288

**Елена Александровна
Кацюба**

**Глядящие на пламя
Стихи и поэмы**

Кацюба Елена

Глядящие на пламя. — Стихи и поэмы. — М.:
Издательство ДООС, 2014. — 300 с.

ISBN 978-5-9905981-1-9

В книгу вошли стихи разных лет, палиндромы, и анаграммы, и анагрифы и стихийные мутации — всё то, что автор называет «лингвистическим реализмом». Здесь очень важен рисунок текста, так как он передает интонацию, являясь как бы записью голоса поэта.

Елена Александровна Кацюба

**Глядящие на пламя
Стихи и поэмы**

@ Издательство ДООС
Маргариты Аль

Подписано в печать 14.11.2014.
Формат 84x108/32. Гарнитура LiteraturnayaC.
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Объем 9,375 печ. л. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ПАК ХАУС»,
117420, г. Москва, Профсоюзная ул., д 57.

ISBN 978-5-9905981-1-9

